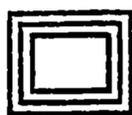

„НАШИ КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТЫ“ №—3.

Н. А. Добролюбовъ.

лучь свѣта въ темномъ царствѣ.

Казань, Универсальная типо-литография.

ЛУЧЬ СВѢТА ВЪ ТЕМНОМЪ ЦАРСТВѢ¹⁾.

(Гроза. Драма въ пяти дѣйствіяхъ *А. Н. Островскаго*. Спб. 1860).

Незадолго до появленія на сценѣ „Грозы“ мы разбирали очень подробно всѣ произведенія Островскаго. Желая представить характеристику таланта автора, мы обратили тогда вниманіе на явленія русской жизни, воспроизводимыя въ его пьесахъ, старались уловить ихъ общій характеръ и попытаться, таковъ ли смыслъ этихъ явленій въ дѣйствительности, какимъ онъ представляется намъ въ произведеніяхъ нашего драматурга. Если читатели не забыли,—мы пришли тогда къ тому результату, что Островскій обладаетъ глубокимъ пониманіемъ русской жизни и великимъ умѣньемъ изображать рѣзко и живо самыя существенныя ея стороны. „Гроза“ вскорѣ послужила новымъ доказательствомъ справедливости нашего заключенія. Мы хотѣли тогда же говорить о ней, но почувствовали, что намъ необходимо пришлось бы при этомъ повторить многія изъ прежнихъ нашихъ соображеній и потому рѣшились молчать о „Грозѣ“, предоставивъ читателямъ, которые поинтересовались нашимъ мнѣньемъ, повѣрить на ней тѣ общія замѣчанія, какія мы высказали объ Островскомъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія этой пьесы. Наше рѣшеніе утвердилось въ насъ еще болѣе, когда мы увидѣли, что по поводу „Грозы“ появляется во всѣхъ журналахъ и газетахъ цѣлый рядъ большихъ и маленькихъ рецензій, трактовавшихъ дѣло съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Мы думали, что въ этой массѣ статей скажется, наконецъ, объ Островскомъ и о значеніи его пьесъ что нибудь побольше того, нежели что мы видѣли въ критикахъ, о которыхъ упоминали въ началѣ первой статьи нашей о „Темномъ Царствѣ“²⁾. Въ этой надеждѣ и сознаніи того, что наше собственное мнѣніе

¹⁾ См. статью „Темное Царство“, въ „Современникѣ“ 1859 г. № VII, IX.—(Томъ III, стр. I настоящего изданія.—*Пр. Изд.*).

²⁾ См. „Современникѣ“ 1859 г. № VII (Т. III, стр. 1—12 наст. изд.—*Прим. Изд.*).

о смыслѣ и характерѣ произведеній Островскаго высказано уже довольно опредѣленно, мы и сочли за лучшее оставить разборъ „Грозы“.

Но теперь, снова встрѣчая пьесу Островскаго въ отдѣльномъ изданіи и припоминая все, что было о ней писано, мы находимъ, что сказать о ней нѣсколько словъ съ нашей стороны будетъ совсѣмъ не лишнее. Она даетъ намъ поводъ дополнить кое-что въ нашихъ замѣткахъ о „Темномъ Царствѣ“, провести далѣе нѣкоторыя изъ мыслей, высказанныхъ нами тогда, и—кстати—объясниться въ короткихъ словахъ съ нѣкоторыми изъ критиковъ, удостоившихъ насъ прямою или косвенною бранью.

Надо отдать справедливость нѣкоторымъ изъ критиковъ: они умѣли понять различіе, которое раздѣляетъ насъ съ ними. Они упрекаютъ насъ въ томъ, что мы приняли дурную методу—разсматривать произведеніе автора и затѣмъ, какъ результатъ этого разсмотрѣнія, говорить, что въ немъ содержится и каково это содержимое. У нихъ совсѣмъ другая метода: они прежде говорятъ себѣ—что *должно* содержаться въ произведеніи (по ихъ понятіямъ, разумѣется) и въ какой мѣрѣ все *должное* дѣйствительно въ немъ находится (опять сообразно ихъ понятіямъ). Понятно, что, при такомъ различіи воззрѣній, они съ негодованіемъ смотрятъ на наши разборы, уподобляемые одними изъ нихъ „пріисканію морали къ баснѣ“. Но мы очень рады тому, что, наконецъ, разница открыта, и готовы выдержать какія угодно сравненія. Да, если угодно, нашъ способъ критики походитъ и на пріисканіе нравственнаго вывода въ баснѣ: разница, на примѣръ, въ приложеніи къ критикѣ комедій Островскаго,—и будетъ лишь настолько велика, насколько комедія отличается отъ басни, и насколько человѣческая жизнь, изображаемая въ комедіяхъ важнѣе и ближе для насъ, нежели жизнь оловъ, лисицъ, тростинокъ и прочихъ персонажей, изображаемыхъ въ басняхъ. Во всякомъ случаѣ гораздо лучше, по нашему мнѣнію, разобрать басню и сказать: „вотъ какая мораль въ ней содержится, и эта мораль кажется намъ хороша, или дурна, и вотъ почему“,—нежели рѣшить съ самаго начала: въ этой баснѣ должна быть такая-то мораль (напр. почтеніе къ родителямъ), и вотъ какъ должна она быть выражена (напр. въ видѣ птенца, ослушавшагося матери и выпавшаго изъ гнѣзда); но эти условія не соблюдены, мораль не та (напр. небрежность родителей о дѣтяхъ) или высказана не такъ (напр. въ примѣрѣ кукушки, оставляющей свои яйца въ чужихъ гнѣздахъ),—значитъ басня не годится. Этотъ способъ критики мы видѣли не разъ въ приложеніи къ Островскому, хотя никто, разумѣется, и не захочетъ въ томъ признаться, а еще на насъ же, съ больной головы на здоровую, свалятъ

обвиненіе, что мы приступаемъ къ разбору литературныхъ произведеній съ заранѣе принятыми идеями и требованіями. А между тѣмъ чего же яснѣе, — развѣ не говорили славянофилы: слѣдуетъ изображать русскаго челоуѣка добродѣтельнымъ и доказывать, что корень всякаго добра—жизнь по старинѣ; въ первыхъ пьесахъ своихъ Островскій этого не соблюлъ, и потому „Семейная Картина“ и „Свои Люди“ недостойны его и объясняются только тѣмъ, что онъ еще подражалъ тогда Гоголю. А западники развѣ не кричали: слѣдуетъ научать въ комедіи, что суевѣріе вредно, а Островскій колокольнымъ звономъ спасаетъ отъ гибели одного изъ своихъ героев; слѣдуетъ вразумлять всѣхъ, что истинное благо состоитъ въ образованности, а Островскій въ своей комедіи позоритъ образованнаго Вихорева передъ неучемъ Бородкинымъ; ясно, что „Не въ свои сани не садись“ и „Не такъ живи, какъ хочется“—плохія пьесы. А приверженцы художественности развѣ не провозглашали: искусство должно служить вѣчнымъ и всеобщимъ требованіямъ эстетики, а Островскій въ „Доходномъ Мѣстѣ“ низвелъ искусство до служенія жалкимъ интересамъ минуты; потому „Доходное Мѣсто“ недостойно искусства и должно быть причислено къ обличительной литературѣ!... А г. Некрасовъ изъ Москвы развѣ не утверждалъ: Большовъ не долженъ въ насъ возбуждать сочувствія, а между тѣмъ 4-й актъ „Своихъ Людей“ написанъ для того, чтобы возбудить въ насъ сочувствіе къ Большову; стало быть четвертый актъ лишній!... А г. Павловъ (Н. Ф.) развѣ не извивался, давая разумѣть такія положенія: русская народная жизнь можетъ дать матеріалъ только для балаганныхъ представленій; въ ней нѣтъ элементовъ для того, чтобы изъ нея соорудить что нибудь сообразное „вѣчнымъ“ требованіямъ искусства; очевидно поэтому, что Островскій, берущій сюжеты изъ простонародной жизни, есть не болѣе, какъ балаганный сочинитель... А еще одинъ московскій критикъ развѣ не строилъ такихъ заключеній: драма должна представлять намъ героя, проникнутаго высокими идеями; героиня „Грозы“, напротивъ, вся проникнута мистицизмомъ, слѣд., не годится для драмы, ибо не можетъ возбуждать нашего сочувствія; слѣд., „Гроза“ имѣетъ только значеніе сатиры, да и то неважной, и пр., и пр...

Кто слѣдилъ за тѣмъ, что писалось у насъ по поводу „Грозы“, тотъ легко припомнитъ и еще нѣсколько подобныхъ критикъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ онѣ были написаны людьми совершенно убогими въ умственномъ отношеніи; чѣмъ же объяснить то отсутствіе прямого взгляда на вещи, которое во всѣхъ нихъ поражаетъ безпристрастнаго читателя? Безъ всякаго сомнѣнія, его надо приписать старой критической рутинѣ, которая осталась во многихъ головахъ

отъ изученія художественной схоластики въ курсахъ Кошанскаго, Ивана Давыдова, Чистякова и Зеленецкаго. Известно, что по мнѣнію сихъ почетныхъ теоретиковъ критика есть приложеніе къ известному произведенію общихъ законовъ, излагаемыхъ въ курсахъ тѣхъ же теоретиковъ; подходитъ подъ законы—отлично; не подходитъ—плохо. Какъ видите, придумано недурно для отживающихъ стариковъ: покамѣстъ такое начало живетъ въ критикѣ, они могутъ быть увѣрены, что не будутъ считаться совсѣмъ отсталыми, что бы ни происходило въ литературномъ мірѣ. Вѣдь законы прекраснаго установлены ими въ ихъ учебникахъ, на основаніи тѣхъ произведеній, въ красоту которыхъ они вѣрують; пока все новое будутъ судить на основаніи утвержденныхъ ими законовъ, до тѣхъ поръ изящнымъ и будетъ признаваться только то, что съ ними сообразно, ничто новое не посмѣетъ предъявить своихъ правъ; старички будутъ правы, вѣруя въ Карамзина и не признавая Гоголя, какъ думали быть правыми почтенные люди, восхищавшіеся подражателями Расина и ругавшіе Шекспира пьянымъ дикаремъ, вслѣдъ за Вольтеромъ, или преклонявшіеся предъ „Мессіадой“ и на этомъ основаніи отвергавшіе „Фауста“. Рутинерамъ даже самымъ бездарнымъ нечего бояться критики, служащей пассивною повѣркою неподвижныхъ правилъ тупыхъ школяровъ,—и въ то же время—нечего надѣяться отъ нея самымъ даровитымъ писателямъ, если они вносятъ въ искусство нѣчто новое и оригинальное. Они должны идти наперекоръ всѣмъ нареканіямъ „правильной“ критики, на зло ей составить себѣ имя, на зло ей основать школу и добиться того, чтобы съ ними сталъ соображаться какой нибудь новый теоретикъ, при составленіи новаго кодекса искусства. Тогда и критика смиренно признаетъ ихъ достоинства; а до тѣхъ поръ она должна находиться въ положеніи несчастныхъ Неаполитанцевъ, въ началѣ нынѣшняго сентября,—которые хоть и знаютъ, что не нынче такъ завтра къ нимъ Гарибальди придетъ, а все-таки должны признавать Франциска своимъ королемъ, пока его королевскому величеству не угодно будетъ оставить свою столицу.

Мы удивляемся, какъ почтенные люди рѣшаются признавать за критикою такую ничтожную, такую унижительную роль. Вѣдь, ограничивая ее приложеніемъ „вѣчныхъ и общихъ“ законовъ искусства къ частнымъ и временнымъ явленіямъ, черезъ это самое осуждаютъ искусство на неподвижность, а критикѣ даютъ совершенно приказное и полицейское значеніе. И это дѣлаютъ многіе отъ чистаго сердца! Одинъ изъ авторовъ, о которомъ мы высказали свое мнѣніе нѣсколько непочтительно, напѣмнилъ намъ, что неуважительное обращеніе судьи съ подсудимымъ есть преступленіе. О наивный авторъ! Какъ онъ преисполненъ

теоріями Кошанскаго и Давыдова! Онъ совершенно серьезно принимаетъ пошлую метафору, что критика есть трибуналъ, предъ которой авторы являются въ качествѣ подсудимыхъ! Вѣроятно, онъ принимаетъ также за чистую монету и мнѣніе, что плохіе стихи составляютъ грѣхъ предъ Аполлономъ, и что плохихъ писателей въ наказаніе топятъ въ рѣкѣ Летѣ!.. Иначе—какъ же не видѣть разницы между критикомъ и судьей? Въ судѣ тянутъ людей по подозрѣнію въ проступкѣ или преступленіи, и дѣло судьи рѣшить, правъ или виноватъ обвиненный; а писатель развѣ обвиняется въ чемънибудь, когда подвергается критикѣ? Кажется, тѣ времена, когда занятіе книжнымъ дѣломъ считалось ересью и преступленіемъ, давно уже прошли. Критикъ говоритъ свое мнѣніе, нравится или не нравится ему вещь; и такъ какъ предполагается, что онъ не пустозвонъ, а человѣкъ разсудительный, то онъ и старается представить резоны, почему онъ считаетъ одно хорошимъ, а другое дурнымъ. Онъ не считаетъ своего мнѣнія рѣшительнымъ приговоромъ, обязательнымъ для всѣхъ; если ужъ брать сравненіе изъ юридической сферы, то онъ скорѣе адвокатъ, нежели судья. Ставши на извѣстную точку зрѣнія, которая ему кажется наиболее справедливою, онъ излагаетъ читателямъ подробности дѣла, какъ онъ его понимаетъ, и старается имъ внушить свое убѣжденіе въ пользу или противъ разбираемаго автора. Само собою разумѣется, что онъ при этомъ можетъ пользоваться всѣми средствами, какія найдетъ пригодными, лишь бы они не искажали сущности дѣла: онъ можетъ васъ приводить въ ужасъ или въ умиленіе, въ смѣхъ или слезы, заставляя автора дѣлать невыгодныя для него признанія или доводить его до невозможности отвѣчать. Изъ критики, исполненной такимъ образомъ, можетъ произойти вотъ какой результатъ: теоретики, справясь съ своими учебниками, могутъ все-таки увидѣть, согласуется ли разобранное произведеніе съ ихъ неподвижными законами, и, исполняя роль судей, порѣшатъ, правъ или виноватъ авторъ. Но извѣстно, что въ гласномъ производствѣ нерѣдки случаи, когда присутствующіе въ судѣ далеко не сочувствуютъ тому рѣшенію, какое произносится судьей сообразно съ такими-то статьями кодекса: общественная совѣсть обнаруживаетъ въ этихъ случаяхъ полный разладъ со статьями закона. То же самое еще чаще можетъ случаться и при обсужденіи литературныхъ произведеній: когда критикъ-адвокатъ надлежащимъ образомъ поставитъ вопросъ, сгруппируетъ факты и броситъ на нихъ свѣтъ извѣстнаго убѣжденія,—общественное мнѣніе, не обращая вниманія на кодексы пѣтики, будетъ уже знать, чего ему держаться.

Если внимательно присмотрѣться къ опредѣленію критики „судомъ“ надъ авторами, то мы найдемъ, что оно

очень напоминает то понятие, какое соединяютъ со словомъ „критика“ наши провинціальныя барыни и барышни и надъ которымъ такъ остроумно подсмѣивались, бывало, наши романисты. Еще и нынѣ не рѣдкость встрѣтить такія семейства, которыя съ нѣкоторымъ страхомъ смотрятъ на писателя, потому что онъ „на нихъ критику напишетъ“. Несчастныя провинціалы, которымъ разъ забрела въ голову такая мысль, дѣйствительно представляютъ изъ себя жалкое зрѣлище подсудимыхъ, которыхъ участь зависитъ отъ почерка пера литератора. Они смотрятъ ему въ глаза, конфузятся, извиняются, оговариваются, какъ будто въ самомъ дѣлѣ виноватыя, ожидающіе казни или милости. Но надо сказать, что такіе наивные люди начинаютъ выводиться теперь и въ самыхъ далекихъ захолустьяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ какъ право „смыслъ свое сужденіе имѣть“ перестаетъ быть достояніемъ только извѣстнаго ранга или положенія, а дѣлается доступно всѣмъ и каждому, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ частной жизни появляется болѣе солидности и самостоятельности и менѣе трепета предъ всякимъ постороннимъ судомъ. Теперь уже высказываютъ свое мнѣніе просто затѣмъ, что лучше его объявить, нежели скрывать, высказываютъ потому, что считаютъ полезнымъ обмѣнъ мыслей, признаютъ за каждымъ право заявлять свой взглядъ и свои требованія, наконецъ, считаютъ даже обязанностью каждаго участвовать въ общемъ движеніи, сообщая свои наблюденія и соображенія, какія кому по силамъ. Отсюда далеко до роли судьи. Если я вамъ скажу, что вы по дорогѣ платокъ потеряли или что вы идете не въ ту сторону, куда вамъ нужно, и т. п.,—это еще не значитъ, что вы мой подсудимый. Точно такъ же не буду я вашимъ подсудимымъ и въ томъ случаѣ, когда вы начнете описывать меня, желая дать обо мнѣ понятіе вашимъ знакомымъ. Входя въ первый разъ въ новое общество, я очень хорошо знаю, что надо мною дѣлаютъ наблюденія и составляютъ мнѣнія обо мнѣ; но неужели мнѣ поэтому слѣдуетъ вообразать себя передъ какимъ-то ареопагомъ—и заранѣе трепетать, ожидая приговора? Безъ всякаго сомнѣнія, замѣчанія обо мнѣ будутъ сдѣланы: одинъ найдетъ, что у меня носъ великъ, другой—что борода рыжая, третій—что галстухъ дурно повязанъ, четвертый—что я угрюмъ, и т. д. Ну, и пусть ихъ замѣчаютъ, мнѣ-то что за дѣло до этого? Вѣдь моя рыжая борода—не преступленіе, и никто не можетъ спросить у меня отчета, какъ я смѣю имѣть такой большой носъ. Значитъ, тутъ мнѣ и думать не о чемъ: нравится или нѣтъ моя фигура, это дѣло вкуса; и высказывать мнѣнія о ней я никому запретить не могу; а съ другой стороны, меня и не убудетъ, оттого что замѣтятъ мою неразговорчивость, ежели я дѣйствительно молчаливъ.

Такимъ образомъ первая критическая работа (въ нашемъ смыслѣ)—подмѣчаніе и указаніе фактовъ—совершается совершенно свободно и безобидно. Затѣмъ другая работа—сужденіе на основаніи фактовъ—продолжаетъ точно такъ же держать того, кто судить, совершенно въ равныхъ шансахъ съ тѣмъ, о комъ онъ судить. Это потому, что, высказывая свой выводъ изъ извѣстныхъ данныхъ, человекъ всегда и самого себя подвергаетъ суду и повѣркѣ другихъ относительно справедливости и основательности его мнѣнія. Если, на примѣръ, ктонибудь на основаніи того, что мой галстухъ повязанъ не совсѣмъ изящно, рѣшить, что я дурно воспитанъ, то такой судья рискуетъ дать окружающимъ не совсѣмъ высокое понятіе о его логикѣ. Точно такъ, если какойнибудь критикъ упрекаетъ Островскаго за то, что лицо Катерины въ „Грозѣ“ отвратительно и безнравственно, то онъ не внушаетъ особеннаго довѣрія къ чистотѣ собственнаго нравственнаго чувства. Такимъ образомъ, пока критикъ указываетъ факты, разбираетъ ихъ и дѣлаетъ свои выводы, авторъ безопасенъ, и самое дѣло безопасно. Тутъ можно претендовать только на то, когда критикъ искажаетъ факты, лжетъ. А если онъ представляетъ дѣло вѣрно, то какимъ бы тономъ онъ ни говорилъ, къ какимъ бы выводамъ онъ ни приходилъ, отъ его критики, какъ отъ всякаго свободнаго и фактами подтверждаемаго разсужденія, всегда будетъ болѣе пользы, нежели вреда—для самого автора, если онъ хорошъ, и во всякомъ случаѣ для литературы—даже если авторъ окажется и дурень. Критика—не судейская, а обыкновенная, какъ мы ее понимаемъ,—хороша уже и тѣмъ, что людямъ, не привыкшимъ сосредоточивать своихъ мыслей на литературѣ, даетъ, такъ сказать, экстрактъ писателя и тѣмъ облегчаетъ возможность понимать характеръ и значеніе его произведеній. А какъ скоро писатель понятъ надлежащимъ образомъ, мнѣніе о немъ не замедлитъ составиться, и справедливость будетъ ему отдана, безъ всякихъ разрѣшеній со стороны почтенныхъ составителей кодексовъ.

Правда, иногда, объясняя характеръ извѣстнаго автора или произведенія, критикъ самъ можетъ найти въ произведеніи то, чего въ немъ вовсе нѣтъ. Но въ этихъ случаяхъ критикъ всегда самъ выдаетъ себя. Если онъ вздумаетъ придать разбираемому творенію мысль болѣе живую и широкую, нежели какая дѣйствительно положена въ основаніе его авторомъ,—то, очевидно, онъ не въ состояніи будетъ достаточно подтвердить свою мысль указаніями на самое сочиненіе, и такимъ образомъ критика, показавши, чѣмъ бы могло быть разбираемое произведеніе, чрезъ то самое только яснѣе выкажетъ бѣдность его замысла и недостаточность исполненія. Въ примѣръ подобной критики

можно указать, напимѣръ, на разборъ Бѣлинскимъ „Гарантаса“; написанный съ самой злой и тонкой ироніей, разборъ этотъ многими принимаемъ былъ за чистую монету, но и эти многіе находили, что смыслъ, приданный „Гарантасу“ Бѣлинскимъ, очень хорошо проводится въ его критикѣ, но съ самымъ сочиненіемъ графа Соллогуба ладится плохо. Впрочемъ, такого рода критическія утрировки встрѣчаются очень рѣдко. Гораздо чаще другой случай—что критикъ дѣйствительно не пойметъ разбираемаго автора и выведетъ изъ его сочиненія то, чего совсѣмъ и нѣ слѣдуетъ. Такъ и тутъ бѣда невелика: способъ разсужденій критика сейчасъ покажетъ читателю, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и будь только факты на лицо въ критикѣ,—фальшивыя умствованія не надуютъ читателя. Напимѣръ, одинъ, г. П-ій, разбирая „Грозу“, рѣшился послѣдовать той же методѣ, какой мы слѣдовали въ статьяхъ о „Темномъ царствѣ“, и, изложивши сущность содержанія пьесы, принялся за выводы. Оказалось, по его соображеніямъ, что Островскій въ „Грозѣ“ вывелъ на смѣхъ Катерину, желая въ ея лицѣ опозорить русскій мистицизмъ. Ну, разумѣется, прочитавши такой выводъ, сейчасъ и видишь, къ какому разряду умовъ принадлежитъ г. П-ій и можно ли полагаться на его соображенія. Никого такая критика не собьетъ съ толку, никому она не опасна...

Совсѣмъ другое дѣло та критика, которая приступаетъ къ авторамъ, точно къ мужикамъ, приведеннымъ въ рекрутское присутствіе, съ форменною маркою, и кричитъ то „лобъ!“, то „затылокъ!“, смотря по тому, подходитъ новобранецъ подъ мѣру или нѣтъ. Тамъ расправа короткая и рѣшительная; и если вы вѣрите въ вѣчные законы искусства, напечатанные въ учебникѣ, то вы отъ такой критики не отвертитесь. Она по пальцамъ докажетъ вамъ, что то, чѣмъ вы восхищаетесь, никуда не годится, а отъ чего вы дремлете, зѣваете или получаете мигрень, это-то и есть настоящее сокровище. Возьмите, напимѣръ, хоть „Грозу“: что это такое? Дерзкое оскорбленіе искусства, ничего больше,—и это очень легко доказать. Раскройте „Чтенія о словесности“ заслуженнаго профессора и академика Ивана Давыдова, составленные имъ съ помощію перевода лекцій Блэра, или загляните хоть въ кадетскій курсъ словесности г. Плаксина, — тамъ ясно опредѣлены условія образцовой драмы. Предметомъ драмы непременно должно быть событіе, гдѣ мы видимъ борьбу страсти и долга—съ несчастными послѣдствіями побѣды страсти или съ счастливыми, когда побѣждаетъ долгъ. Въ развитіи драмы должно быть соблюдаемо строгое единство и послѣдовательность; развязка должна естественно и необходимо вытекать изъ завязки; каждая сцена должна непременно способствовать движенію

дѣйствія и подвигать его къ развязкѣ; поэтому въ пьесѣ не должно быть ни одного лица, которое прямо и необходимо не участвовало бы въ развитіи драмы, не должно быть ни одного разговора, не относящагося къ сущности пьесы. Характеры дѣйствующихъ лицъ должны быть ярко обозначены и въ обнаруженіи ихъ должна быть необходима постепенность, сообразно съ развитіемъ дѣйствія. Языкъ долженъ быть сообразенъ съ положеніемъ cadaго лица; но не удаляться отъ чистоты литературной и не переходить въ вульгарность.

Вотъ, кажется, всѣ главныя правила драмы. Приложимъ ихъ къ „Грозѣ“.

„Предметъ драмы дѣйствительно представляетъ борьбу въ Катеринѣ между чувствомъ долга супружеской вѣрности и страсти къ молодому Борису Григорьевичу. Значить, первое требованіе найдено. Но затѣмъ, отправляясь отъ этого требованія, мы находимъ, что другія условія образцовой драмы нарушены въ „Грозѣ“ самымъ жестокимъ образомъ.

„И во-первыхъ—„Гроза“ не удовлетворяетъ самой существенной внутренней цѣли драмы—внушить уваженіе къ нравственному долгу, и показать пагубныя послѣдствія увлеченія страстью. Катерина, эта безнравственная, бестыжая (по мѣткому выраженію Н. Ф. Павлова) женщина, выбѣжавшая ночью къ любовнику, какъ только мужъ уѣхалъ изъ дому, эта преступница представляется намъ въ драмѣ не только не въ достаточно мрачномъ свѣтѣ, но даже съ какимъ-то сіяніемъ мученичества вокругъ чела. Она говоритъ такъ хорошо, страдаетъ такъ жалобно, вокругъ нея все такъ дурно, что противъ нея у васъ нѣтъ негодованія, вы ее сожалѣете, вы вооружаетесь противъ ея притѣснителей, и такимъ образомъ въ ея лицѣ оправдываете порокъ. Слѣдовательно, драма не выполняетъ своего высокаго назначенія и дѣлается, если не вреднымъ примѣромъ, то по крайней мѣрѣ праздною игрушкой.

„Далѣе, съ чисто-художественной точки зрѣнія находимъ также недостатки весьма важные. Развитіе страсти представлено недостаточно: мы не видимъ, какъ началась и усилилась любовь Катерины къ Борису и чѣмъ именно была она мотивирована; поэтому и самая борьба страсти и долга обозначается для насъ не вполне ясно и сильно.

„Единство впечатлѣнія также не соблюдено: ему вредитъ примѣсъ посторонняго элемента—отношеній Катерины къ свекрови. Вмѣшательство свекрови постоянно препятствуетъ намъ сосредоточивать наше вниманіе на той внутренней борьбѣ, которая должна происходить въ душѣ Катерины.

„Кромѣ того, въ пьесѣ Островскаго замѣчаемъ ошибку противъ первыхъ и основныхъ правилъ всякаго поэтического произведенія, непростительную даже начинающему автору. Эта ошибка специально называется въ драмѣ— „двойственностью интриги“: здѣсь мы видимъ не одну любовь, а двѣ,—любовь Катерины къ Борису и любовь Варвары къ Кудряшу. Это хорошо только въ легкихъ французскихъ водевиляхъ, а не въ серьезной драмѣ, гдѣ вниманіе зрителей никакъ не должно быть развлекаемо по сторонамъ.

„Завязка и развязка также грѣшатъ противъ требованій искусства. Завязка заключается въ простомъ случаѣ—въ отъѣздѣ мужа; развязка также совершенно случайна и произвольна: эта гроза, испугавшая Катерину и заставившая ее все рассказать мужу, есть не что иное, какъ *deus ex machina*, не хуже водевильнаго дядюшки изъ Америки.

„Все дѣйствіе идетъ вяло и медленно, потому что загромождено сценами и лицами, совершенно ненужными. Кудряшъ и Шапкинъ, Кулигинъ, Оеклуша, барыня съ двумя лакеями, самъ Дикой,—все это лица, существенно не связанные съ основою пьесы. На сцену безпрестанно входятъ ненужныя лица, говорятъ вещи, нейдущія къ дѣлу, и уходятъ, опять неизвѣстно зачѣмъ и куда. Всѣ декламации Кулигина, всѣ выходки Кудряша и Дикого, не говоря уже о полусумасшедшей барынѣ и о разговорахъ городскихъ жителей во время грозы,—могли бы быть выпущены безъ всякаго ущерба для сущности дѣла.

„Строго опредѣленныхъ и отдѣланныхъ характеровъ въ этой толпѣ ненужныхъ лицъ мы почти не находимъ, а о постепенности въ ихъ обнаруженіи нечего и спрашивать. Они являются намъ прямо *ex abrupto*, съ ярлычками. Занавѣсъ открывается; Кудряшъ съ Кулигинымъ говорятъ о томъ, какой ругатель Дикой, вслѣдъ за тѣмъ является и Дикой, и еще за кулисами ругается... Тоже и Кабанова. Такъ же точно и Кудряшъ съ перваго слова даетъ знать себя, что онъ „лихъ на дѣвокъ“; и Кулигинъ при самомъ появленіи рекомендуетъ, какъ самоучка-механикъ, восхищающійся природою. Да такъ съ этимъ они и остаются до самаго конца: Дикой ругается, Кабановъ ворчитъ, Кудряшъ гуляетъ ночью съ Варварой... А полнаго всесторонняго развитія ихъ характеровъ мы не видимъ во всей пьесѣ. Сама героиня изображается весьма неудачно: какъ видно, самъ авторъ не совсѣмъ опредѣленно понималъ этотъ характеръ, потому что не выставя Катерину лицемѣркою, заставляетъ ее однако же произносить чувствительные монологи, а на дѣлѣ показываетъ ее намъ, какъ женщину безстыжую, увлекаемую одною чувственностью. О

героѣ нечего и говорить,—такъ онъ безцвѣтенъ. Сами Дикой и Кабанова, характеры наиболѣе въ генге г. Островскаго, представляютъ (по счастливому заключенію г. Ахшарумова или кого-то другого въ этомъ родѣ) намѣренную утрировку, близкую къ пасквилю, и даютъ намъ не живыя лица, а „квинтъ-эссенцію уродствъ“ русской жизни.

„Наконецъ и языкъ, какимъ говорятъ дѣйствующія лица, превосходитъ всякое терпѣніе благовоспитаннаго человека. Конечно, купцы и мѣщане не могутъ говорить изящнымъ литературнымъ языкомъ; но вѣдь нельзя же согласиться и на то, что драматическій авторъ, ради вѣрности, можетъ вносить въ литературу всѣ площадныя выраженія, которыми такъ богатъ русскій народъ. Языкъ драматическихъ персонажей, кто бы они ни были, можетъ быть простъ, но всегда благороденъ, и не долженъ оскорблять образованнаго вкуса. А въ „Грозѣ“ послушайте, какъ говорятъ всѣ лица: „Пронзительный мужикъ! что ты съ рыломъ-то лѣзешь! Всю внутреннюю разжигаетъ! Женщины себѣ тѣла никакъ нагулять не могутъ!...“ Что это за фразы, что за слова? Поневолѣ повторить съ Лермонтовымъ:

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышатъ?

А если и случалось имъ,

Такъ мы ихъ слышать не хотимъ.

Можетъ быть „въ городѣ Калиновѣ, на берегу Волги“, и есть люди, которые говорятъ такимъ образомъ, но что-же намъ-то за дѣло до этого?”

Читатель понимаетъ, что мы не употребляли особенныхъ стараній, чтобъ сдѣлать убѣдительною эту критику; оттого въ ней легко примѣтитъ въ иныхъ мѣстахъ живыя нитки, которыми она сшита. Но увѣряемъ, что ее можно сдѣлать чрезвычайно убѣдительною и побѣдоносною, можно ею уничтожить автора, разъ ставши на точку зрѣнія школьныхъ учебниковъ. И если читатель согласится дать намъ право приступить къ пьесѣ съ заранѣе приготовленными требованіями относительно того, что и какъ въ ней должно быть,—больше намъ ничего не нужно: все, что не согласно съ принятыми у насъ правилами, мы съумѣемъ уничтожить. Выписки изъ комедіи явятся весьма добросовѣстно для подтвержденія нашихъ сужденій; цитаты изъ разныхъ ученыхъ книгъ, начиная съ Аристотеля и кончая Фишеромъ, составляющимъ, какъ извѣстно, послѣдній, окончательный моментъ эстетической теоріи, докажутъ вамъ солидность нашего образованія; легкость изложенія и остроуміе помогутъ намъ увлечь ваше вниманіе, и вы, сами не замѣчая, придете къ полному согласію съ нами.

Только пусть ни на минуту не заходитъ въ вашу голову сомнѣніе въ нашемъ полномъ правѣ предписывать автору обязанности и затѣмъ *судить* его, вѣренъ ли онъ этимъ обязанностямъ, или провинился передъ ними...

Но вотъ въ этомъ-то и горе, что отъ подобнаго сомнѣнія не уберется теперь ни одинъ читатель. Презрѣнная толпа, прежде благоговѣйно, разинувъ ротъ, внимавшая нашимъ вѣщаніямъ, теперь представляетъ плачевное и опасное для нашего авторитета зрѣлище массы, вооруженной, по прекрасному выраженію г. Тургенева, „обоюду острымъ мечемъ анализа“. Всякій говоритъ, читая нашу громоздкую критику: „вы предлагаете намъ свою „бурю“, увѣряя, что въ „Грозѣ“ то, что есть,—лишнее, а чего нужно, того не достаетъ. Но вѣдь автору „Грозы“, вѣроятно, кажется совсѣмъ противное; позвольте намъ разобрать васъ. Расскажите, анализируйте намъ пьесу, покажите ее, какъ она есть, и дайте намъ ваше мнѣніе о ней на основаніи ея же самой, а не по какимъ-то устарѣлымъ соображеніямъ, совсѣмъ ненужнымъ и постороннимъ. По вашему, того-то и того-то не должно быть; а можетъ быть оно въ пьесѣ-то и хорошо приходится, такъ тогда почему жь не должно?“ Такъ осмѣливается резонировать теперь всякій читатель, и этому обидному обстоятельству надо приписать то, что на примѣръ великолѣпныя критическія упражненія Н. Ф. Павлова по поводу „Грозы“ потерпѣли такое рѣшительное фіаско. Въ самомъ дѣлѣ, на критика „Грозы“ въ „Нашемъ Времени“ поднялись всѣ—и литераторы, и публика, и конечно не за то, что онъ осмѣлился показать недостатокъ уваженія къ Островскому, а за то, что въ своей критикѣ онъ выразилъ неуваженіе къ здравому смыслу и доброй волѣ русской публики. Давно уже всѣ видятъ, что Островскій во многомъ удалился отъ старой сценической рутины, что въ самомъ замыслѣ каждой изъ его пьесъ есть условія, необходимо увлекающія его за предѣлы извѣстной теоріи, на которую указали мы выше. Критикъ, которому эти уклоненія не нравятся, долженъ былъ начать съ того, чтобъ ихъ отмѣтить, охарактеризовать, обобщить и затѣмъ прямо и откровенно поставить вопросъ между ними и старой теоріей. Это была обязанность критика не только передъ разбираемымъ авторомъ, но еще больше передъ публикой, которая такъ постоянно одобряетъ Островскаго, со всѣми его вольностями и уклоненіями, и съ каждой новой пьесой все больше къ нему привязывается. Если критикъ находитъ, что публика заблуждается въ своей симпатіи къ автору, который оказывается преступникомъ противъ его теоріи, то онъ долженъ былъ начать съ защиты этой теоріи и съ серьезныхъ доказательствъ того, что уклоненія отъ нея—не могутъ быть хороши. Тогда онъ можетъ быть и успѣлъ бы убѣдить нѣкоторыхъ, и даже многихъ, такъ какъ у

Н. Ф. Павлова нельзя отнять того, что онъ владѣетъ фразою довольно ловко. А теперь—что онъ сдѣлалъ? Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на тотъ фактъ, что старые законы искусства, продолжая существовать въ учебникахъ и преподаваться съ гимназическихъ и университетскихъ кафедръ, давно уже однако потеряли святыню неприкосновенности въ литературѣ и въ публикѣ. Онъ отважно принялся разбивать Островскаго по пунктамъ своей теоріи, насильно заставляя читателя считать ее неприкосновенною. Онъ счелъ удобнымъ только поиронизировать на счетъ господина, который, будучи „ближнимъ и братомъ“ г. Павлова по мѣсту въ первомъ ряду креселъ и по „свѣжимъ“ перчаткамъ,—осмѣлился однако восхищаться пьесою, которая была такъ противна Н. Ф. Павлову. Такое пренебрежительное обращеніе съ публикою, да и съ самымъ вопросомъ, за рѣшеніе котораго критикъ взялся, естественно должно было возбудить большинство читателей скорѣе противъ него, нежели въ его пользу. Читатели дали замѣтить критику, что онъ съ своей теоріей вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, и потребовали, чтобъ онъ вышелъ изъ колеса на прямую дорогу. Округленная фраза и ловкій силлогизмъ показались имъ недостаточными; они потребовали серьезныхъ подтвержденій для самыхъ посылокъ, изъ которыхъ г. Павловъ дѣлалъ свои заключенія и которыя выдавалъ, какъ аксіомы. Онъ говорилъ: это дурно, потому что много лицъ въ пьесѣ, не содѣйствующихъ прямому развитію хода дѣйствія. А ему упорно возражали: да почему же въ пьесѣ не можетъ быть лицъ, неучаствующихъ прямо въ развитіи драмы? Критикъ увѣрялъ, что драма потому уже лишена значенія, что ея героиня безнравственна; читатели останавливали его и задавали вопросъ: съ чего же вы берете, что она безнравственна? и на чемъ основаны ваши нравственныя понятія? Критикъ считалъ пошлостью и сальностью, недостойною искусства,—и ночное свиданіе, и удалой свистъ Кудряша, и самую сцену признанія Катерины передъ мужемъ; его опять спрашивали: отчего именно находить онъ это пошлымъ, и почему свѣтскія интрижки и аристократическія страсти достойнѣе искусства, нежели мѣщанскія увлеченія? Почему свистъ молодого парня болѣе пошлъ, нежели раздирательное пѣніе итальянскихъ арій какимъ нибудь свѣтскимъ юношей? Н. Ф. Павловъ, какъ верхъ своихъ доводовъ, рѣшилъ съ-высока, что пьеса, подобная „Грозѣ“, есть не драма, а балаганное представленіе. Ему и тутъ отвѣтили: а почему же вы такъ презрительно относитесь о балаганѣ? Еще это вопросъ, точно ли всякая прилизанная драма, даже хоть бы въ ней всѣ три единства соблюдены были, лучше всякаго балаганнаго представленія. Относительно роли балагана въ исторіи театра

и въ дѣлѣ народнаго развитія мы еще съ вами поспоримъ. Последнее возраженіе было довольно подробно развито печатно. И гдѣ же раздалось оно? Добро бы въ „Современникѣ“, который, какъ извѣстно, самъ имѣетъ при себѣ „Свистокъ“, слѣдовательно не можетъ скандализироваться свистомъ Кудряша, и вообще долженъ быть склоненъ ко всякому балаганству. Нѣтъ, мысли о балаганѣ высказаны были въ „Библиотекѣ для Чтенія“, извѣстной поборницѣ всѣхъ правъ „искусства“, высказаны г. Анненковымъ, котораго никто не упрекнетъ въ излишней приверженности къ „вульгарнымъ“ началамъ. Если мы вѣрно поняли мысль г. Анненкова (за что, конечно, никто поручиться не можетъ), онъ находитъ, что современная драма съ своей теоріей дальше отклонилась отъ жизненной правды и красоты, нежели первоначальные балаганы, и что для возрожденія театра необходимо прежде возвратиться къ балагану и съизнова начинать путь драматическаго развитія. Вотъ съ какими мнѣніями столкнулся г. Павловъ даже въ почтенныхъ представителяхъ русской критики, не говоря уже о тѣхъ, которые благомыслящими людьми обвиняются въ презрѣннѣи къ наукѣ и въ отрицаніи всего высокаго! Понятно, что здѣсь уже нельзя было отдѣлаться болѣе или менѣе блестящими репликами, а надо было приступить къ серьезному пересмотру основаній, на которыхъ утверждался критикъ въ своихъ приговорахъ. Но какъ скоро вопросъ перешелъ на эту почву, критикъ „Нашега Времени“ оказался несостоятельнымъ и долженъ былъ замять свои критическія разглагольствія.

Очевидно, что критика, дѣлающаяся союзницей школяровъ и принимающая на себя ревизовку литературныхъ произведеній по параграфамъ учебниковъ, должна очень часто ставить себя въ такое жалкое положеніе: осудивъ себя на рабство предъ господствующей теоріей, она обрекаетъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ и на постоянную, бесплодную вражду ко всякому прогрессу, ко всему новому и оригинальному въ литературѣ. И чѣмъ сильнѣе новое литературное движеніе, тѣмъ болѣе она противъ него ожесточается и тѣмъ яснѣе выказываетъ свое беззубое безсиліе. Отъ-искивая какого-то мертваго совершенства, выставляя намъ отжившіе, индифферентные для насъ идеалы, швыряя въ насъ обломками, оторванными отъ прекраснаго цѣлаго, адепты подобной критики постоянно остаются въ сторонѣ отъ живого движенія, закрываютъ глаза отъ новой, живущей красоты, не хотятъ понять новой истины, результата новаго хода жизни. Они смотрятъ съ-высока на все, судятъ строго, готовы обвинять всякаго автора за то, что онъ не равняется съ ихъ *chefs-d'oeuvre* ами, и нахально пренебрегаютъ живыми отношеніями автора къ своей публикѣ и къ

своей эпохѣ. Это все, видите ли, „интересы минуты“ — можно ли серьезнымъ критикамъ компрометировать искусство, увлекаясь такими интересами! Бѣдные, бездушные люди! какъ они жалки въ глазахъ человѣка, умѣющаго дорожить дѣломъ жизни, ея трудами и благами! Человѣкъ обыкновенный, здравомыслящій, беретъ отъ жизни, что она даетъ ему, и отдаетъ ей, что можетъ; но педанты всегда забираютъ съ-высока и парализируютъ жизнь мертвыми идеалами и отвлеченіями. Скажите, что подумать о человѣкѣ, который, при видѣ хорошенькой женщины, начинаетъ вдругъ резонировать, что у нея станъ не таковъ, какъ у Венеры Милосской, очертаніе рта не такъ хорошо, какъ у Венеры Медицейской, взглядъ не имѣетъ того выраженія, какое находимъ мы у рафаэлевскихъ мадоннъ, и т. д., и т. д. Всѣ разсужденія и сравненія подобнаго господина могутъ быть очень справедливы и остроумны; но къ чему могутъ привести они? Докажутъ ли они вамъ, что женщина, о которой идетъ рѣчь, не хороша собой? Въ состояніи ли они убѣдить васъ даже въ томъ, что эта женщина менѣе хороша, чѣмъ та или другая Венера? Конечно, нѣтъ, потому что красота заключается не въ отдѣльныхъ чертахъ и линияхъ, а въ общемъ выраженіи лица, въ томъ жизненномъ смыслѣ, который въ немъ проявляется. Когда это выраженіе симпатично мнѣ, когда этотъ смыслъ доступенъ и удовлетворителенъ для меня, тогда я просто отдаюсь красотѣ всѣмъ сердцемъ и смысломъ, не дѣлая никакихъ мертвыхъ сравненій, не предъявляя претензій, освященныхъ преданіями искусства. И если вы хотите живымъ образомъ дѣйствовать на меня, хотите заставить меня полюбить красоту,—то умѣйте уловить въ ней этотъ общій смыслъ, это вѣяніе жизни, умѣйте указать и растолковать его мнѣ: тогда только вы достигнете вашей цѣли. То же самое и съ истиною: она не въ діалектическихъ тонкостяхъ, не въ вѣрности отдѣльныхъ умозаключеній, а въ живой правдѣ того, о чемъ разсуждаете. Дайте мнѣ понять характеръ явленія, его мѣсто въ ряду другихъ, его смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни, и повѣрьте, что этимъ путемъ вы приведете меня къ правильному сужденію о дѣлѣ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ посредствомъ всевозможныхъ силлогизмовъ, подобранныхъ для доказательства вашей мысли. Если до сихъ поръ невѣжество и легковѣріе такъ еще сильны въ людяхъ, это поддерживается именно тѣмъ способомъ критическихъ разсужденій, на который мы нападаемъ. Вездѣ и во всемъ преобладаетъ синтезъ; говорятъ заранѣе: это полезно, и бросаются во всѣ стороны, чтобы прибрать доводы, почему полезно; оглушаютъ васъ сентенціей: вотъ какова должна быть нравственность,—и затѣмъ осуждаютъ, какъ безнравственное, все, что не подходитъ подъ сентенцію.

Такимъ образомъ постоянно и искажается человѣческій смыслъ, и отнимается охота и возможность разсуждать каждому самому. Совсѣмъ не то выходило бы, когда бы люди приучились къ аналитическому способу суждений: вотъ какое дѣло, вотъ его послѣдствія, вотъ его выгоды и невыгоды; взвѣсьте и разсудите, въ какой мѣрѣ оно будетъ полезно. Тогда люди постоянно имѣли бы передъ собою данныя, и въ своихъ сужденіяхъ исходили бы изъ фактовъ, не блуждая въ синтетическихъ туманахъ, не связывая себя отвлеченными теоріями и идеалами, когда-то и къ-то составленными. Чтобы достигнуть этого, надобно, чтобы всѣ люди получили охоту жить своимъ умомъ, а не полагаться на чужую опеку. Этого, конечно, еще не скоро дождемся мы въ человѣчествѣ. Но та небольшая часть людей, которую мы называемъ „читающей публикой“, даетъ намъ право думать, что въ ней эта охота къ самостоятельной умственной жизни уже пробудилась. Поэтому мы считаемъ весьма неудобнымъ третировать ее съ-высока и надменно бросать ей сентенціи и приговоры, основанные богъ-знаетъ на какихъ теоріяхъ. Самымъ лучшимъ способомъ критики мы считаемъ изложеніе самого дѣла, такъ чтобы читатель самъ, на основаніи выставленныхъ фактовъ, могъ сдѣлать свое заключеніе. Мы группируемъ данныя, дѣлаемъ соображенія объ общемъ смыслѣ произведенія, указываемъ на отношеніе его къ дѣйствительности, въ которой мы живемъ, выводимъ свое заключеніе и пытаемся обставить его возможно лучшимъ образомъ, но при этомъ всегда стараемся держаться такъ, чтобы читатель могъ совершенно удобно произнести свой судъ между нами и авторомъ. Намъ не разъ случалось принимать упреки за нѣкоторые ироническіе разборы: „изъ вашихъ же выписокъ и изложенія содержанія видно, что этотъ авторъ плохъ или вреденъ,—говорили намъ,—а вы его хвалите,—какъ вамъ не стыдно“. Признаемся, подобные упреки ни мало насъ не огорчали: читатель получалъ не совсѣмъ лестное мнѣніе о нашей критической способности,—правда; но главная цѣль была все-таки достигнута,—негодная книга (которую иногда мы и не могли прямо осудить) такъ и показалась читателю негодною, благодаря фактамъ, выставленнымъ передъ его глазами. И мы всегда были того мнѣнія, что только фактическая, реальная критика и можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ для читателя. Если въ произведеніи есть что-нибудь, то покажите намъ, что въ немъ есть; это гораздо лучше, чѣмъ пускаться въ соображенія о томъ, чего въ немъ нѣтъ и что бы должно было въ немъ находиться.

Разумѣется, есть общія понятія и законы, которые всякій человѣкъ непременно имѣетъ въ виду, разсуждая о какомъ бы то ни было предметѣ. Но нужно различать

между этими естественными законами, вытекающими из самой сущности дѣла, и между положеніями и правилами, установленными въ какой нибудь системѣ. Есть извѣстныя аксіомы, безъ которыхъ мышленіе невозможно, и ихъ всякій авторъ предполагаетъ въ своемъ читателѣ, такъ же, какъ всякій разговаривающій въ своемъ собесѣдникѣ. Довольно сказать о человѣкѣ, что онъ горбатъ или косъ, чтобы всякій увидѣлъ въ этомъ недостатокъ, а не преимущество его организациі. Такъ точно, достаточно замѣтить, что такое-то литературное произведеніе безграмотно или исполнено лжи, чтобы этого никто не счелъ достоинствомъ. Но когда вы скажете, что человѣкъ ходитъ въ фуражкѣ, а не въ шляпѣ, этого еще недостаточно для того, чтобы я получилъ о немъ дурное мнѣніе, хотя въ извѣстномъ кругу и принято, что порядочный человѣкъ не долженъ фуражку носить. Такъ и въ литературномъ произведеніи—если вы находите несоблюденіе какихъ нибудь единствъ, или лица, не необходимыя для развитія интриги, такъ это еще ничего не говоритъ для читателя, непредубѣжденнаго въ пользу вашей теоріи. Только то, что каждому читателю должно показаться нарушеніемъ естественнаго порядка вещей и оскорбленіемъ простаго здраваго смысла, могу я считать не требующимъ отъ меня опроверженій, предполагая, что эти опроверженія сами собою явятся въ умѣ читателя, при одномъ моемъ указаніи на фактъ. Но никогда не нужно слишкомъ далеко простираť подобное предположеніе. Критики, подобныя Н. Ф. Павлову, г. Некрасову изъ Москвы, г. Пальховскому и проч., тѣмъ и грѣшатъ особенно, что предполагаютъ безусловное согласіе между собою и общимъ мнѣніемъ гораздо въ большемъ количествѣ пунктовъ, чѣмъ слѣдуетъ. Иначе сказать,—они считаютъ непреложными, очевидными для всѣхъ аксіомами множество такихъ мнѣній, которыя только имъ кажутся абсолютными истинами, а для большинства людей представляютъ даже противорѣчіе съ нѣкоторыми общепринятыми понятіями. Напримѣръ, всякому понятно, что авторъ, желающій сдѣлать что нибудь порядочное, не долженъ искажать дѣйствительность: въ этомъ требованіи согласны и теоретики, и общее мнѣніе. Но теоретики въ то же время требуютъ, и тоже полагаютъ, какъ аксіому,—что авторъ долженъ совершенствовать дѣйствительность, отбрасывая изъ нея все ненужное и выбирая только то, что специально требуется для развитія интриги и для развязки произведенія. Сообразно съ этимъ вторымъ требованіемъ, на Островскаго напустились много разъ съ великою яростію; а между тѣмъ оно не только не аксіома, но даже находится въ явномъ противорѣчій съ требованіемъ относительно вѣрности дѣйствительной жизни, которое всѣми признано, какъ необхо-

димое. Какъ вы, въ самомъ дѣлѣ, заставите меня вѣрить, что въ теченіе какого нибудь получаса въ одну комнату, или одно мѣсто на площади, приходятъ одинъ за другимъ десять человѣкъ, именно тѣ, кого нужно, именно въ то время, какъ ихъ тутъ нужно, встрѣчаютъ, кого имъ нужно, начинаютъ ех abrupto разговоръ о томъ, что нужно, уходятъ и дѣлаютъ, что нужно, потомъ опять являются, когда ихъ нужно. Дѣлается ли это такъ въ жизни, похоже ли это на истину? Кто не знаетъ, что въ жизни самое трудное дѣло подогнать одно къ другому благопріятныя обстоятельства, устроивъ теченіе дѣлъ сообразно съ логической надобностью. Обыкновенно человѣкъ знаетъ, что ему дѣлать, да не можетъ такъ потрафить, чтобы направить на свое дѣло всѣ средства, которыми такъ легко распоряжается писатель. Нужныя лица не приходятъ, письма не получаются, разговоры идутъ не такъ, чтобы подвинуть дѣло... У всякаго въ жизни много своихъ дѣлъ, и рѣдко кто служитъ, какъ въ нашихъ драмахъ, машиною, которою двигаетъ авторъ, какъ ему удобнѣе, для дѣйствія его пьесы. То же надо сказать и о завязкѣ съ развязкою. Много ли мы видимъ случаевъ, которые бы въ своемъ концѣ представляли чистое, логическое развитіе начала? Въ исторіи мы еще можемъ примѣтить это въ теченіе вѣковъ; но въ частной жизни не то. Правда, что историческіе законы и здѣсь тѣ же самыя, но разница въ разстояніи и размѣрѣ. Говоря абсолютно и принимая въ соображеніе безконечно малыя величины, конечно, мы найдемъ, что шаръ—тотъ же многоугольникъ; но попробуйте играть на бильярдѣ многоугольниками,—совсѣмъ не то выйдетъ. Такъ точно и историческіе законы о логическомъ развитіи и необходимомъ возмездіи—представляются въ происшествіяхъ частной жизни далеко не такъ ясно и полно, какъ въ исторіи народовъ. Придавать имъ нарочно эту ясность, значить насиловать и искажать существующую дѣйствительность. Будто бы въ самомъ дѣлѣ всякое преступленіе носить въ себѣ самомъ свое наказаніе? Будто оно всегда сопровождается мученіями совѣсти, если не внѣшнею казнью? Будто бережливость всегда ведетъ къ достатку, честность награждается общимъ уваженіемъ, сомнѣніе находитъ свое разрѣшеніе, добродѣтель доставляетъ внутреннее довольство? Не чаще ли видимъ противное, хотя съ другой стороны и противное не можетъ быть утверждаемо, какъ общее правило... Нельзя сказать, чтобы люди были злы по природѣ, и потому нельзя принимать для литературныхъ произведеній принциповъ въ родѣ того, что, напримѣръ, порокъ всегда торжествуетъ, а добродѣтель наказывается. Но невозможно, даже смѣшно сдѣлалось строить драмы и на торжествѣ добродѣтели! Дѣло въ томъ, что отношенія чело-

вѣческія рѣдко устраиваются на основаніи разумнаго расчета, а слагаются большею частію случайно, и затѣмъ значительная доля поступковъ однихъ съ другими совершается какъ бы безсознательно, по рутинѣ, по минутному расположенію, по вліянію множества постороннихъ причинъ. Авторъ, рѣшающійся отбросить въ сторону всѣ эти случайности, въ угоду логическимъ требованіямъ развитія сюжета, обыкновенно теряетъ среднюю мѣру и дѣлается похожъ на человѣка, который все измѣряетъ на тахітим. Онъ, на примѣръ, нашелъ, что человѣкъ можетъ, безъ непосредственнаго вреда для себя, работать пятнадцать часовъ въ сутки, и на этомъ расчетѣ основываетъ свои требованія отъ людей, которые у него работаютъ. Само собою разумѣется, что расчетъ этотъ, возможный для экстренныхъ случаевъ, для двухъ-трехъ дней, оказывается совершенно нелѣпымъ, какъ норма постоянной работы. Таковымъ же нерѣдко оказывается и логическое развитіе житейскихъ отношеній, требуемое теоріею отъ драмы.

Намъ скажутъ, что мы впадаемъ въ отрицаніе всякаго творчества и не признаемъ искусства иначе, какъ въ видѣ дагерротипа. Еще больше,—насъ попросятъ провести дальше наши мнѣнія и дойти до крайнихъ ихъ результатовъ, то есть, что драматическій авторъ, не имѣя права ничего отбрасывать и ничего подгонять нарочно для своей цѣли, оказывается въ необходимости просто записывать всѣ ненужные разговоры всѣхъ встрѣчныхъ лицъ, такъ что дѣйствіе, продолжавшееся недѣлю, потребуетъ и въ драмѣ ту же самую недѣлю для своего представленія на театрѣ, а для иного происшествія потребуются присутствіе всѣхъ тысячъ людей, прогуливающихся по Невскому проспекту или по Англійской набережной. Да, оно такъ и придется, если оставить высшимъ критеріумомъ въ литературѣ все-таки ту теорію, которой положенія мы сейчасъ оспаривали. Но мы вовсе не къ тому идемъ; не два-три пункта теоріи хотимъ мы исправить; нѣтъ, съ такими исправленіями она будетъ еще хуже, запутаннѣе и противорѣчивѣе; мы просто не хотимъ ее вовсе. У насъ есть для сужденія о достоинствѣ авторовъ и произведеній другія основанія, держась которыхъ мы надѣемся не придти ни къ какимъ нелѣпостямъ и не разойтись съ здравымъ смысломъ массы публики. Объ этихъ основаніяхъ мы уже говорили и въ первыхъ статьяхъ объ Островскомъ, и потомъ въ статьѣ о „Наканунѣ“; но можетъ быть нужно еще разъ вкратцѣ изложить ихъ.

Мѣрою достоинства писателя или отдѣльнаго произведенія мы принимаемъ то, насколько служатъ они выраженіемъ естественныхъ стремленій извѣстнаго времени и народа. Естественныя стремленія человѣчества, приведен-

ныя къ самому простому знаменателю, могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: „чтобъ всѣмъ было хорошо“. Понятно, что, стремясь къ этой цѣли, люди, по самой сущности дѣла, сначала должны были отъ нея удалиться: каждый хотѣлъ, чтобъ ему было хорошо, и утверждая свое благо, мѣшалъ другимъ; устроиться же такъ, чтобъ одинъ другому не мѣшалъ, еще не умѣли. Такъ неопытные танцоры не умѣютъ распорядиться своими движеніями и безпрестанно сталкиваются съ другими парами, даже въ довольно просторной залѣ. Послѣ, по привыкши, они станутъ лучше расходиться даже и въ залѣ меньшаго объема, и при большемъ количествѣ танцующихъ. Но пока они не приобрѣли ловкости, до тѣхъ поръ, разумѣется, и невозможно допустить, чтобы въ залѣ пускались въ вальсъ многія пары; чтобы не переколотиться другъ объ друга, необходимо многимъ пережидать, а самымъ неловкимъ и вообще отказаться отъ танцевъ и, можетъ быть, сѣсть за карты, проиграть, и даже много... Такъ было и въ устройствѣ жизни: болѣе ловкіе продолжали отыскивать свое благо, другіе сидѣли, принимались за то, за что не слѣдовало, проигрывали; общій праздникъ жизни нарушался съ самага начала; многимъ стало не до веселья; многіе пришли къ убѣжденію, что къ веселью только тѣ и призваны, кто ловко танцуетъ. А ловкіе танцоры, устроившіе свое благосостояніе, продолжали слѣдовать естественному влеченію и забирали себѣ все больше простора, все больше средствъ для веселья. Наконецъ они теряли мѣру; остальнымъ становилось отъ нихъ очень тѣсно, и они вскакивали съ своихъ мѣстъ и подпрыгивали—уже не за тѣмъ, чтобы танцовать хотѣли, а просто потому, что имъ даже сидѣть-то стало неловко. А между тѣмъ въ этомъ движеніи оказалось, что и между ними есть люди, не лишенные нѣкоторой легкости,—и тѣ пробовали вступить въ кругъ веселящихся. Но привилегированные, первоначальные танцоры смотрѣли на нихъ уже очень непріязненно, какъ на непризванныхъ, и не пускали ихъ въ кругъ. Начиналась борьба, разнообразная, долгая, большею частію неблагоприятная для новичковъ: ихъ осмѣивали, отталкивали, ихъ осуждали платить издержки праздника, у нихъ отнимали ихъ дамъ, а у дамъ кавалеровъ, ихъ совсѣмъ прогоняли съ праздника. Но чѣмъ хуже становится людямъ, тѣмъ они сильнѣе чувствуютъ нужду, чтобъ было хорошо. Лишеніями не остановишь требованій, а только раздражишь; только принятіе пищи можетъ утолить голодъ. До сихъ поръ поэтому борьба не кончена; естественныя стремленія, то какъ будто заглушаясь, то появляясь сильнѣе, все ищутъ своего удовлетворенія. Въ этомъ состоитъ сущность исторіи.

Во всѣ времена и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности появлялись люди, настолько здоровые и одаренные натурою, что естественныя стремленія говорили въ нихъ чрезвычайно сильно, незаглушаемо. Въ практической дѣятельности они часто дѣлались мучениками своихъ стремленій, но никогда не проходили безслѣдно, никогда не оставались одинокими, въ общественной дѣятельности они приобрѣтали партію, въ чистой наукѣ дѣлали открытія, въ искусствахъ, въ литературѣ образовали школу. Не говоримъ о дѣятеляхъ общественныхъ, которыхъ роль въ исторіи всякому должна быть понятна послѣ того, что мы сказали на предъидущей страницѣ. Но замѣтимъ, что и въ дѣлѣ науки и литературы за великими личностями всегда сохранялся тотъ характеръ, который мы обозначили выше, — сила естественныхъ, живыхъ стремленій. Съ искаженіемъ этихъ стремленій въ массѣ совпадаетъ водвореніе многихъ нелѣпыхъ понятій о мірѣ и человѣкѣ; эти понятія въ свою очередь мѣшали общему благу. Чтобы не заходить далеко, вспомнимъ, сколько зла причинили человѣчеству нелѣпости фетишизма и всякаго рода космогоническія бредни, а потомъ астрологическія и кабалистическія мистеріи на разные лады. Люди чистой науки, дѣлавшіе астрономическія и физическія открытія, или установлявшіе новыя философскія начала, умѣли слушать голосъ естественныхъ, здравыхъ требованій ума и помогали человѣчеству избавляться отъ тѣхъ или другихъ искусственныхъ комбинацій, вредившихъ устройству общаго благоденствія. Съ каждымъ изъ этихъ людей человѣчество дѣлало новый шагъ въ развитіи правильныхъ, естественныхъ понятій, и по важности этихъ шаговъ можемъ мы опредѣлить личное достоинство каждаго дѣятеля. То же самое прилагается и къ людямъ прикладныхъ знаній, техникамъ, механикамъ, агрономамъ, врачамъ, и пр. То же видимъ и въ области искусствъ, и въ литературѣ.

Литератору до сихъ поръ предоставлена была небольшая роль въ этомъ движеніи человѣчества къ естественнымъ началамъ, отъ которыхъ оно отклонилось. По существу своему, литература не имѣетъ дѣятельнаго значенія, она только или предполагаетъ то, что нужно сдѣлать, или изображаетъ то, что уже дѣлается и сдѣлано. Въ первомъ случаѣ, то есть въ предположеніяхъ будущей дѣятельности она беретъ свои матеріалы и основанія изъ чистой науки; во второмъ, — изъ самыхъ фактовъ жизни. Такимъ образомъ, вообще говоря, литература представляетъ собою силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ. Въ литературѣ, впрочемъ, являлось до сихъ поръ нѣсколько дѣятелей, которые въ своей пропагандѣ

стоять такъ высоко, что ихъ не превзойдутъ ни практическіе дѣятели для блага человѣчества ни люди чистой науки. Эти писатели были одарены такъ богато природою, что умѣли какъ бы по инстинкту приблизиться къ естественнымъ понятіямъ и стремленіямъ, которыхъ еще только искали современные имъ философы съ помощью строгой науки. Мало того, то, что философы только предугадывали въ теоріи, гениальные писатели умѣли это схватывать въ жизни и изображать въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, служа полнѣйшими представителями высшей степени человѣческаго сознанія въ извѣстную эпоху, и съ этой высоты обзрѣвая жизнь людей и природы и рисуя ее передъ нами, они возвышались надъ служебною ролью литературы и становились въ рядъ историческихъ дѣятелей, способствовавшихъ человѣчеству въ яснѣйшемъ сознаніи его живыхъ силъ и естественныхъ наклонностей. Таковъ былъ Шекспиръ. Многія изъ его пьесъ могутъ быть названы открытіями въ области человѣческаго сердца, его литературная дѣятельность подвинула общее сознаніе людей на нѣсколько ступеней, на которыя до него никто не поднимался и которыя только были издали указываемы нѣкоторыми философами. И вотъ почему Шекспиръ имѣетъ такое всемірное значеніе: имъ обозначается нѣсколько новыхъ ступеней человѣческаго развитія. Но за то Шекспиръ и стоитъ внѣ обычнаго ряда писателей; имена Данте, Гёте, Байрона часто присоединяются къ его имени, но трудно сказать, чтобъ въ каждомъ изъ нихъ такъ полно обозначалась цѣлая новая фраза общечеловѣческаго развитія, какъ въ Шекспирѣ. Что же касается до обыкновенныхъ талантовъ, то для нихъ именно остается та служебная роль, о которой мы говорили. Не представляя міру ничего новаго и невѣдомаго, не намѣчая новыхъ путей въ развитіи всего человѣчества, не двигая его даже и на принятомъ пути, они должны ограничиваться болѣе частнымъ, спеціальнымъ служеніемъ: они приводятъ въ сознаніе массъ то, что открыто передовыми дѣятелями человѣчества, раскрываютъ и проясняютъ людямъ то, что въ нихъ живетъ еще смутно и неопредѣленно. Обыкновенно это происходитъ не такъ впрочемъ, чтобы литераторъ заимствовалъ у философа его идеи, потомъ проводилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Нѣтъ, оба они дѣйствуютъ самостоятельно, оба исходятъ изъ одного начала—дѣйствительной жизни, но только различнымъ образомъ принимаются за дѣло. Мыслитель, замѣчая въ людяхъ, на примѣръ, недовольство настоящимъ ихъ положеніемъ, соображаетъ всѣ факты и старается отыскать новыя начала, которыя бы могли удовлетворить возникающія требованія. Литераторъ-поэтъ, замѣчая то же недовольство, рисуетъ его картину такъ живо, что общее вниманіе,

оставленное на ней, само собой наводитъ людей на мысль о томъ, что же именно имъ нужно. Результатъ одинъ, и значеніе двухъ дѣятелей было бы одно и то же; но исторія литературы показываетъ намъ, что за немногими исключеніями, литераторы обыкновенно опаздываютъ. Тогда какъ мыслители, привязываясь къ самымъ незначительнымъ признакамъ и неотступно преслѣдуя попавшуюся мысль до самыхъ послѣднихъ ея основаній, нерѣдко подмѣчаютъ новое движеніе въ самомъ еще ничтожномъ его зародышѣ, — литераторы по большей части оказываются менѣе чуткими: они подмѣчаютъ и рисуютъ возникающее движеніе тогда уже, когда оно довольно явственно и сильно. За то впрочемъ, они ближе къ понятіямъ массы и больше имѣютъ въ ней успѣха: они подобны барометру, съ которымъ всякій справляется, между тѣмъ какъ метеоролого-астрономическихъ выкладокъ и предвѣщаній никто не хочетъ знать. Такимъ образомъ, признавая за литературою главное значеніе пропаганды, мы требуемъ отъ нея одного качества, безъ котораго въ ней не можетъ быть никакихъ достоинствъ, именно — *правды*. Надо, чтобы факты, изъ которыхъ исходитъ авторъ и которые онъ представляетъ намъ, были переданы вѣрно. Какъ скоро этого нѣтъ, литературное произведеніе теряетъ всякое значеніе, оно становится даже вреднымъ, потому что служить не къ просвѣтленію человѣческаго сознанія, а напротивъ, еще къ большому помраченію. И тутъ уже напрасно стали бы мы отыскивать въ авторѣ какой нибудь талантъ, кромѣ развѣ таланта враля. Въ произведеніяхъ историческаго характера правда должна быть фактическая; въ беллетристикѣ, гдѣ происшествія вымышлены, она замѣняется логическою правдою, то есть разумной вѣроятностью и сообразностью съ существующимъ ходомъ дѣлъ.

Но правда есть необходимое условіе, а еще не достоинство произведенія. О достоинствѣ мы судимъ по широтѣ взгляда автора, вѣрности пониманія и живости изображенія тѣхъ явленій, которыхъ онъ коснулся. И прежде всего, по принятому нами критерию, мы различаемъ авторовъ, служащихъ представителями естественныхъ, правильныхъ стремленій народа, отъ авторовъ, служащихъ органами разныхъ искусственныхъ тенденцій и требованій. Мы уже видѣли, что искусственныя общественныя комбинаціи, бывшія слѣдствіемъ первоначальной неумѣлости людей въ устройствѣ своего благосостоянія, во многихъ заглушили сознаніе естественныхъ потребностей. Въ литературахъ всѣхъ народовъ мы находимъ множество писателей, совершенно преданныхъ искусственнымъ интересамъ и нимало не заботящихся о нормальныхъ требованіяхъ человѣческой природы. Эти писатели могутъ быть и не лжецы; но произведе-

нія ихъ тѣмъ не менѣе ложны, и въ нихъ мы не можемъ признать достоинствъ, развѣ только относительно формы. Всѣ на примѣръ, пѣвцы иллюминацій, военныхъ торжествъ, рѣзни и грабежа по приказу какого нибудь честолюбца, сочинители льстивыхъ диѳирамбовъ, надписей и мадригаловъ — не могутъ имѣть въ нашихъ глазахъ никакого значенія, потому что они весьма далеки отъ естественныхъ стремленій и потребностей народныхъ. Въ литературѣ они то же въ сравненіи съ истинными писателями, что въ наукѣ астрологи и алхимики предъ истинными натуралистами, что сонники предъ курсомъ физиологіи, гадательныя книжки предъ теоріей вѣроятностей. Между авторами, не удаляющимися отъ естественныхъ понятій, мы различаемъ людей, болѣе или менѣе глубоко проникнутыхъ насущными требованіями эпохи, болѣе или менѣе широко обнимающихъ движеніе, совершающееся въ челоѳчествѣ, и болѣе или менѣе сильно ему сочувствующихъ. Тутъ степени могутъ быть безчисленны. Одинъ авторъ можетъ исчерпать одинъ вопросъ, другой десять, третій можетъ всѣ ихъ подвести подъ одинъ высшій вопросъ и его поставить на разрѣшеніе, четвертый можетъ указать на вопросы, которые поднимаются еще за разрѣшеніемъ этого высшаго вопроса, и т. д. Одинъ можетъ холодно, энически излагать факты, другой съ лирической силой ополчаться на ложь и воспѣвать добро и правду. Одинъ можетъ брать дѣло съ поверхности и указывать надобность внѣшнихъ и частныхъ поправокъ; другой можетъ забирать все съ корня и выставять на видъ внутреннее безобразіе и несостоятельность предмета, или внутреннюю силу и красоту новаго зданія, воздвигаемаго при новомъ движеніи челоѳчества. Сообразно съ широтою взгляда и силою чувства авторовъ, будетъ различіе и способъ изображенія предметовъ, и самое изложеніе у каждаго изъ нихъ. Разобрать это отношеніе внѣшней формы къ внутренней силѣ уже не трудно; самое главное для критики — опредѣлить, стоитъ ли авторъ въ уровень съ тѣми естественными стремленіями, которыя уже пробудились въ народѣ, или должны скоро пробудиться по требованію современнаго порядка дѣлъ; затѣмъ — въ какой мѣрѣ умѣлъ онъ ихъ понять и выразить, и взялъ ли онъ существо дѣла, корень его, или только внѣшность, обнялъ ли общность предмета или только нѣкоторыя его стороны.

Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, что мы здѣсь разумѣемъ не теоретическое обсужденіе, а поэтическое представленіе фактовъ жизни. Въ прежнихъ статьяхъ объ Островскомъ мы достаточно говорили о различіи отвлеченнаго мышленія отъ художческаго способа представленія. Повторимъ здѣсь только одно замѣчаніе,

необходимое для того, чтобы поборники чистаго искусства не обвинили насъ опять въ навязываньи художнику „утилитарныхъ темъ“. Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ создавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи; онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи, не потому, что авторъ задался этой идеей при его созданіи, а потому, что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собою. Такимъ образомъ, напр., философія Сократа и комедіи Аристофана, въ отношеніи къ религіозному ученію Грековъ, служатъ выраженіемъ одной и той же общей идеи—разрушенія древнихъ вѣрованій; но вовсе нѣтъ надобности думать, что Аристофанъ задавалъ себѣ именно эту цѣль для своихъ комедій: она достигается у него просто картиною греческихъ нравовъ того времени. Изъ его комедій мы рѣшительно убѣждаемся, что въ то время, когда онъ писалъ, царство греческой міѳологіи уже прошло; т. е. онъ практически приводитъ насъ къ тому, что Сократъ и Платонъ доказываютъ философскимъ образомъ. Такова и вообще бываетъ разница въ способѣ дѣйствія произведеній поэтическихъ и собственно-теоретическихъ. Она соотвѣтствуетъ разницѣ въ самомъ способѣ мышленія художника и мыслителя: одинъ мыслить конкретнымъ образомъ, никогда не теряя изъ виду частныхъ явленій и образовъ, а другой стремится все обобщить, слить частные признаки въ общей формулѣ. Но существенной разницы между истиннымъ знаніемъ и истинной поэзіей быть не можетъ: талантъ есть принадлежность натуры человека и потому онъ несомнѣнно гарантируетъ намъ извѣстную силу и широту естественныхъ стремленій въ томъ, кого мы признаемъ талантливымъ. Слѣдовательно и произведенія его должны создаваться подъ вліяніемъ этихъ естественныхъ, правильныхъ потребностей натуры; сознаніе нормальнаго порядка вещей должно быть въ немъ ясно и живо, идеаль его простъ и разуменъ, и онъ не отдастъ себя на служеніе неправдѣ и безсмыслицѣ, не потому, чтобы не хотѣлъ, а просто потому, что не можетъ,—не выйдетъ у него ничего хорошаго, если онъ и вздумаетъ понасиловать свой талантъ. Подобно Валааму, захочетъ онъ проклинать Израиля, и противъ его воли въ торжественную минуту вдохновенія въ его устахъ явятся благословенія вмѣсто проклятій. А если и удастся ему выговорить слово проклятія, то оно лишено будетъ внутренняго жара, будетъ слабо и невразумительно. Намъ нечего ходить далеко за примѣрами: наша литература изобилуетъ ими едва ли не болѣе всякой другой. Возьмите хоть Пушкина и Гоголя:

какъ бѣдны и трескучи заказныя стихотворенія Пушкина; какъ жалки аскетическія попытки Гоголя въ литературѣ! Добрая воля было у нихъ много, но воображеніе и чувство не давали достаточно матеріала для того, чтобы сдѣлать истинно поэтическую вещь на заказныя, искусственныя темы. Да и не мудрено: дѣйствительность, изъ которой почерпаетъ поэтъ свои матеріалы и свои вдохновенія, имѣетъ свой натуральный смыслъ, при нарушеніи котораго уничтожается самая жизнь предмета и остается только мертвый остовъ его. Съ этимъ-то остовомъ и принуждены были всегда оставаться писатели, хотѣвшіе вмѣсто естественнаго смысла придать явленіямъ другой, противный ихъ сущности.

Но, какъ мы уже сказали, естественныя стремленія человѣка и здравыя, простыя понятія о вещахъ искажены и почти заглушены во многихъ. Вслѣдствіе неправильнаго развитія, часто людямъ представляется совершенно нормальнымъ и естественнымъ то, что въ сущности составляетъ нелѣпѣйшее насиліе природы. Съ теченіемъ времени человѣчество все болѣе и болѣе освобождается отъ искусственныхъ искаженій и приближается къ естественнымъ требованіямъ и воззрѣніямъ: мы уже не видимъ таинственныхъ силъ въ каждомъ лѣсѣ и озерѣ, въ громѣ и молніи, въ солнцѣ и звѣздахъ; мы уже не имѣемъ въ образованныхъ странахъ кастъ и паріевъ; мы не перемѣшиваемъ отношеній двухъ половъ, подобно народамъ востока; мы не признаемъ класса рабовъ существенной принадлежностью государства, какъ было у Грековъ и Римлянъ; мы отрицаемся отъ инквизиціонныхъ началъ, господствовавшихъ въ средневѣковой Европѣ. Если все это еще и встрѣчается нынѣ по мѣстамъ, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; общее же положеніе измѣнилось къ лучшему. Но все-таки и теперь еще люди далеко не пришли къ ясному сознанію всѣхъ естественныхъ потребностей и даже не могутъ еще согласиться въ томъ, что для человѣка естественно, что нѣтъ. Общую формулу,—что человѣку естественно стремиться къ лучшему—всѣ принимаютъ; но разногласія возникаютъ изъ-за того, что же должно считать благомъ для человѣчества. Мы полагаемъ, на примѣръ, что благо въ трудѣ, и потому трудъ считаемъ естественнымъ для человѣка, а „Экономическій Указатель“ увѣряетъ, что людямъ естественно лѣниться, ибо благо состоитъ въ пользованіи капиталомъ. Мы думаемъ, что воровство есть искусственная форма приобрѣтенія, къ которой человѣкъ вынуждается крайностью; а Крыловъ говоритъ, что это есть естественное качество иныхъ людей и что—

Вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

А между тѣмъ Крыловъ—знаменитый баснописецъ, а „Экономическій Указатель“ издается г. Вернадскимъ, докторомъ и статскимъ совѣтникомъ: мнѣніями ихъ пренебрегать невозможно. Что тутъ дѣлать, какъ рѣшить? Намъ кажется, что окончательнаго рѣшенія тутъ никто не можетъ брать на себя; всякій можетъ считать свое мнѣніе самымъ справедливымъ, но рѣшеніе въ этомъ случаѣ болѣе, нежели когда нибудь, надо предоставить публикѣ. Это дѣло до нея касается, и только во имя ея можемъ мы утверждать наши положенія. Мы говоримъ обществу: „намъ кажется, что вы вотъ къ чему способны, вотъ что чувствуете, вотъ чѣмъ недовольны, вотъ чего желаете“. Дѣло общества сказать намъ, ошибаемся мы или нѣтъ. Тѣмъ болѣе въ такомъ случаѣ, какъ разборъ комедій Островскаго, мы прямо можемъ положиться на общій судъ. Мы говоримъ: „вотъ что авторъ изобразилъ; вотъ что означаютъ, по нашему мнѣнію, воспроизведенные имъ образы, вотъ ихъ происхождение, вотъ смыслъ; мы находимъ, что все это имѣетъ живое отношеніе къ вашей жизни и нравамъ и объясняетъ вотъ какія потребности, которыхъ удовлетвореніе необходимо для вашего блага“. Скажите, кому же иначе судить о справедливости нашихъ словъ, какъ не тому самому обществу, о которомъ идетъ рѣчь и къ которому она обращается? Его рѣшеніе должно быть одинаково важно и окончательно—и для насъ, и для разбираемаго автора.

Авторъ нашъ принимается публикою очень хорошо; значитъ, одна половина вопроса рѣшается положительнымъ образомъ: публика признаетъ, что онъ вѣрно понимаетъ и изображаетъ ее. Остается другой вопросъ: вѣрно ли мы понимаемъ Островскаго, приписывая его произведеніямъ извѣстный смыслъ? Нѣкоторую надежду на благопріятный отвѣтъ подаетъ намъ, во-первыхъ, то обстоятельство, что критики, противоположныя нашему воззрѣнію, не были особенно одобряемы публикой, и во-вторыхъ то, что самъ авторъ оказывается согласнымъ съ нами, такъ какъ въ „Грозѣ“ мы находимъ новое подтвержденіе многихъ изъ нашихъ мыслей о талантѣ Островскаго и о значеніи его произведеній. Впрочемъ, еще разъ,—наши статьи и самыя основанія, на которыхъ мы утверждаемъ свои сужденія, у всѣхъ предъ глазами. Кто не захочетъ согласиться съ нами, тотъ, читая и повѣряя наши статьи по своимъ наблюденіямъ, можетъ придти къ собственному заключенію. Мы и тѣмъ будемъ довольны.

Теперь, объяснившись относительно основаній нашей критики, просимъ читателей извинить намъ длинноту этихъ объясненій. Ихъ бы, конечно, можно было изложить на двухъ-трехъ страницахъ, но тогда бы этимъ страницамъ долго не пришлось увидѣть свѣта. Длиннота происходитъ

оттого, что часто безконечнымъ перифразомъ объясняется то, что можно бы обозначить просто однимъ словомъ; но въ томъ-то и бѣда, что эти слова, весьма обыкновенныя въ другихъ европейскихъ языкахъ, русской статьѣ даютъ обыкновенно такой видъ, въ которомъ она не можетъ явиться предъ публикой. И приходится поневолѣ перевертываться всячески съ фразой, чтобы ввести какъ нибудь читателя въ сущность излагаемой мысли.

Но обратимся же къ настоящему предмету нашему— къ автору „Грозы“.

Читатели „Современника“ помнятъ, можетъ быть, что мы поставили Островскаго очень высоко, находя, что онъ очень полно и многосторонне умѣлъ изобразить существенныя стороны и требованія русской жизни. Другіе авторы брали частныя явленія, временныя, внѣшнія требованія общества и изображали ихъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, какъ, напр., требованіе правосудія, вѣротерпимости, здоровой администраціи, уничтоженія откуповъ, отмененія крѣпостного права, и пр. Иные авторы брали болѣе внутреннюю сторону жизни, но ограничивались очень тѣснымъ кругомъ и подмѣчали такія явленія, которыя далеко не имѣли общенароднаго значенія. Таково, напр., изображеніе, въ безчисленномъ множествѣ повѣстей, людей, ставшихъ по развитію выше окружающей ихъ среды, но лишенныхъ энергіи воли и погибающихъ въ бездѣйствіи. Повѣсти эти имѣли значеніе, потому что ясно выражали собою негодность среды, мѣшающей хорошей дѣятельности, и хотя смутносознаваемое требованіе энергическаго примѣненія на дѣлѣ началъ, признаваемыхъ нами за истину въ теоріи. Смотри по различію талантовъ, и повѣсти этого рода имѣли больше или меньше значенія; но всѣ онѣ заключали въ себѣ тотъ недостатокъ, что попадали лишь въ небольшую (сравнительно) часть общества и не имѣли почти никакого отношенія къ большинству. Не говоря о массѣ народа, даже въ среднихъ слояхъ нашего общества мы видимъ гораздо больше людей, которымъ еще нужно приобрѣтеніе и уясненіе правильныхъ понятій, нежели такихъ, которые съ приобрѣтенными идеями не знаютъ, куда дѣваться. Поэтому значеніе указанныхъ повѣстей и романовъ остается весьма спеціальнымъ, и чувствуется болѣе для кружка извѣстнаго сорта, нежели для большинства. Нельзя не сознаться, что дѣло Островскаго гораздо плодотворнѣе: онъ захватилъ такія общія стремленія и потребности, которыми проникнуто все русское общество, которыхъ голосъ слышится во всѣхъ явленіяхъ нашей жизни, которыхъ удовлетвореніе составля-

еть необходимое условіе нашего дальнѣйшаго развитія. Мы не станемъ теперь повторять того, о чемъ говорили подробно въ нашихъ первыхъ статьяхъ; но кстати замѣтимъ здѣсь странное недоумѣніе, происшедшее относительно нашихъ статей у одного изъ критиковъ „Грозы“—г. Аполлона Григорьева. Нужно замѣтить, что г. А. Григорьевъ одинъ изъ восторженныхъ почитателей таланта Островскаго; но,— должно быть отъ избытка восторга,—ему никогда не удается высказать съ нѣкоторой ясностью, за что же именно онъ цѣнитъ Островскаго. Мы читали его статьи и никакъ не могли добиться толку. Между тѣмъ, разбирая „Грозу“, г. Григорьевъ посвящаетъ намъ нѣсколько страничекъ и обвиняетъ насъ въ томъ, что мы прицѣпили ярлычки къ лицамъ комедій Островскаго, раздѣлили всѣ ихъ на два разряда—*самодуровъ и забитыхъ личностей* и въ развитіи отношеній между ними, обычныхъ въ купеческомъ быту, заключили все дѣло нашего комика. Выказавъ это обвиненіе, г. Григорьевъ восклицаетъ, что нѣтъ, не въ этомъ состоитъ особенность и заслуга Островскаго, а въ *народности*. Но въ чемъ же состоитъ народность, г. Григорьевъ не объясняетъ, и потому его реплика показалась намъ очень забавною. Какъ будто мы не признавали народности у Островскаго! Да мы именно съ нея и начали, ей продолжали и кончили. Мы искали, какъ и насколько произведенія Островскаго служатъ выраженіемъ народной жизни, народныхъ стремленій: что это, какъ не народность? Только что мы не кричали про нее съ восклицательными знаками черезъ каждыя двѣ строки, а постарались опредѣлить ея содержаніе, чего г. Григорьеву не заблагоразсудилось ни разу сдѣлать. А еслибъ онъ это попробовалъ, то можетъ быть, пришелъ бы къ тѣмъ же результатамъ, которые осуждаетъ у насъ, и не сталъ бы попусту обвинять насъ, будто мы заслугу Островскаго заключаемъ въ вѣрномъ изображеніи семейныхъ отношеній купцовъ, живущихъ по старинѣ. Всякій, кто читалъ наши статьи, могъ видѣть, что мы вовсе не купцовъ только имѣли въ виду; указывая на основныя черты отношеній, господствующихъ въ нашемъ бытѣ и такъ хорошо воспроизведенныхъ въ комедіяхъ Островскаго. Современныя стремленія русской жизни, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, находятъ свое выраженіе въ Островскомъ, какъ комикѣ, съ отрицательной стороны. Рисуя намъ въ яркой картинѣ ложныя отношенія, со всѣми ихъ послѣдствіями, онъ чрезъ то самое служитъ отголоскомъ стремленій, требующихъ лучшаго устройства. Произволь съ одной стороны и недостатокъ сознанія правъ своей личности съ другой, — вотъ основанія, на которыхъ держится все безобразіе взаимныхъ отношеній, развиваемыхъ въ большей части комедій Островскаго:

требования права, законности, уважения къ человеку—вотъ что слышится каждому внимательному читателю изъ глубины этого безобразія. Что же, развѣ вы станете отрицать обширное значеніе этихъ требованій въ русской жизни? Развѣ вы не сознаетесь, что подобный фонъ комедій соответствуетъ состоянію русскаго общества болѣе, нежели на кого бы то ни было другого въ Европѣ. Возьмите исторію, вспомните свою жизнь, оглянитесь вокругъ себя, — вы вездѣ найдете оправданіе нашихъ словъ. Не мѣсто здѣсь пускаться намъ въ историческія изысканія; довольно замѣтить, что наша исторія до новѣйшихъ временъ не способствовала у насъ развитію чувства законности (съ чѣмъ и г. Пироговъ согласенъ; зри Положеніе о наказаніяхъ въ Кіевскомъ округѣ), не создавала прочныхъ гарантій для личности и давала обширное поле произволу. Такого рода историческое развитіе, разумѣется, имѣло слѣдствіемъ упадокъ нравственности общественной: уваженіе къ собственному достоинству потерялось, вѣра въ право, а слѣдовательно и сознание долга—ослабли, произволь попиралъ право, подъ произволь подтачивалась хитрость. Нѣкоторые писатели, лишенные чутья нормальныхъ потребностей и сбитые съ толку искусственными комбинаціями, признавая эти несомнѣнные факты, хотѣли ихъ узаконить, прославить какъ норму жизни, а не какъ искаженіе естественныхъ стремленій, произведенное неблагопріятнымъ историческимъ развитіемъ. Такъ на примѣръ, произволь хотѣли присвоить русскому человеку, какъ особенное, естественное качество его природы — подъ названіемъ „широты натуры“; плутовство и хитрость тоже хотѣли узаконить въ русскомъ народѣ подъ названіемъ смѣтливости и лукавства. Нѣкоторые критики хотѣли даже въ Островскомъ видѣть пѣвца широкихъ русскихъ натуръ; оттого-то и поднято было однажды такое бѣснованіе изъ-за Любима Торцова, выше котораго ничего не находили у нашего автора. Но Островскій, какъ человекъ съ сильнымъ талантомъ и слѣдовательно съ чутвемъ истины, съ инстинктивною склонностью къ естественнымъ, здравымъ требованіямъ, не могъ поддаться искушенію, и произволь, даже самый широкій, всегда выходилъ у него, сообразно дѣйствительности, произволомъ, тяжелымъ, безобразнымъ, незаконнымъ, — и въ сущности пьесы всегда слышался протестъ противъ него. Онъ умѣлъ почувствовать, что такое значить подобная широта натуры, и заклеимилъ, ошельмовалъ ее нѣсколькими типами и названіемъ самодурства.

Но не онъ сочинилъ эти типы, такъ точно, какъ не онъ выдумалъ и слово „самодуръ“. То и другое взялъ онъ въ самой жизни. Ясно, что жизнь, давшая матеріалы для такихъ комическихъ положеній, въ какихъ

ставятся часто самодуры Островскаго, жизнь, давшая имъ и приличное названіе, не поглощена уже вся ихъ вліяніемъ, а заключаетъ въ себѣ задатки болѣе разумнаго, законнаго, правильнаго порядка дѣлъ. И дѣйствительно, послѣ каждой пьесы Островскаго, каждый чувствуетъ внутри себя это сознаніе, и, оглядываясь кругомъ себя, замѣчаетъ то же въ другихъ. Слѣдя пристальнѣе за этой мыслью, всматриваясь въ нее дольше и глубже, замѣчаешь, что это стремленіе къ новому, болѣе естественному устройству отношеній заключаетъ въ себѣ сущность всего, что мы называемъ прогрессомъ, составляетъ прямую задачу нашего развитія, поглощаетъ всю работу новыхъ поколѣній. Куда вы ни оглянитесь, вездѣ вы видите пробужденіе личности, предъявленіе ею своихъ законныхъ правъ, протестъ противъ насилія и произвола, большею частію еще робкій, неопредѣленный, готовый спрятаться, но все-таки уже дающій замѣтить свое существованіе. Возьмите хоть законодательную и административную сторону, которая хотя въ частныхъ своихъ проявленіяхъ всегда имѣетъ много случайнаго, но въ общемъ своемъ характерѣ все-таки служитъ указателемъ положенія народа. Особенно этотъ указатель вѣренъ тогда, когда законодательныя мѣры запечатлѣны характеромъ льготъ, уступокъ и расширенія правъ. Мѣры обременительныя, стѣсняющія народъ въ его правахъ, могутъ быть вызваны, вопреки требованію народной жизни, просто дѣйствіемъ произвола, сообразно выгодамъ привилегированнаго меньшинства, которое пользуется стѣсненіемъ другихъ; но мѣры, которыми уменьшаются привилегіи и расширяются общія права, не могутъ имѣть свое начало ни въ чемъ иномъ, какъ въ прямыхъ и неотступныхъ требованіяхъ народной жизни, неотразимо дѣйствующихъ на привилегированное меньшинство, даже вопреки его личнымъ, непосредственнымъ выгодамъ. Взгляните же, что у насъ дѣлается въ этомъ отношеніи: крестьяне освобождаются, и сами помѣщики, утверждавшіе прежде, что еще рано давать свободу мужику, теперь убѣждаются и сознаются, что пора развязаться съ этимъ вопросомъ, что онъ дѣйствительно созрѣлъ въ народномъ сознаніи... А что же иное лежитъ въ основаніи этого вопроса, какъ не уменьшеніе произвола и не возвышеніе правъ человѣческой личности? То же самое и во всѣхъ другихъ реформахъ и улучшеніяхъ. Въ финансовыхъ реформахъ, во всѣхъ этихъ комиссіяхъ и комитетахъ, разсуждавшихъ о банкахъ, о податяхъ и пр., что видѣло общественное мнѣніе, чего отъ нихъ надѣялось, какъ не опредѣленія болѣе правильной, отчетливой системы финансоваго управленія, и слѣдовательно введенія законности вмѣсто всякаго произвола? Что заставило предоста- вить нѣкоторыя права гласности, которой прежде такъ

боялись, — что, какъ не сознаніе силы того общаго протеста противъ безправія и произвола, который въ теченіи многихъ лѣтъ сложился въ общественномъ мнѣніи и наконецъ не могъ себя сдерживать? Что сказалось въ полицейскихъ и административныхъ преобразованіяхъ, въ заботахъ о правосудіи, въ предположеніяхъ гласнаго судопроизводства, въ уменьшеніи строгостей къ раскольникамъ, въ самомъ уничтоженіи откуповъ“... Мы не говоримъ о практическомъ значеніи всѣхъ этихъ мѣръ, мы только утверждаемъ, что самая попытка приступить къ нимъ доказываетъ сильное развитіе той общей идеи, на которую мы указали: хотя бы всѣ онѣ рушились или остались безуспѣшными, это бы могло показать только, — недостаточность или ложность средствъ, принятыхъ для ихъ исполненія, но не могло бы свидѣтельствовать противъ потребностей, ихъ вызвавшихъ. Существованіе этихъ требованій такъ ясно, что въ литературѣ нашей они выразились немедленно, какъ только оказалась фактическая возможность ихъ проявленія. Сказались они и въ комедіяхъ Островскаго, съ полнотою и силою, какую мы встрѣчали у немногихъ авторовъ. Но не въ одной только степени силы достоинство комедій его: для насъ важно и то, что онъ нашелъ сущность общихъ требованій жизни еще въ то время, когда они были скрыты и высказывались весьма немногими и весьма слабо. Первая его пьеса появилась въ 1847 году; извѣстно, что съ того времени до послѣднихъ годовъ даже лучшіе наши авторы почти потеряли слѣдъ естественныхъ стремленій народныхъ и даже стали сомнѣваться въ ихъ существованіи, а если иногда и чувствовали ихъ вѣяніе, то очень слабо, неопредѣленно, только въ какихъ нибудь частныхъ случаяхъ, и, за немногими исключеніями, почти никогда не умѣли найти для нихъ истиннаго и приличнаго выраженія. Общее положеніе отразилось, разумѣется, отчасти и на Островскомъ; оно, можетъ быть, во многомъ объясняетъ ту долю неопредѣленности нѣкоторыхъ его пьесъ, которая подала поводъ къ такимъ нападкамъ на него въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Но теперь, внимательно соображая совокупность его произведеній, мы находимъ, что чутье истинныхъ потребностей и стремленій русской жизни никогда не оставляло его; оно иногда и не показывалось на первый взглядъ, но всегда находилось въ корнѣ его произведеній. За то — кто хотѣлъ безпристрастно доискаться кореннаго ихъ смысла, тотъ всегда могъ найти, что дѣло въ нихъ представляется не съ поверхности, а съ самаго корня. Эта черта удерживаетъ произведенія Островскаго на ихъ высотѣ и теперь, когда уже всѣ стараются выразить тѣ же стремленія, которыя мы находимъ въ его пьесахъ. Чтобы не распространяться объ этомъ, замѣтимъ одно: требованіе права, уваженіе лич-

ности, протестъ противъ насилія и произвола вы находите во множествѣ нашихъ литературныхъ произведеній послѣднихъ лѣтъ; но въ нихъ большею частію дѣло не проведено жизненнымъ, практическимъ образомъ, почувствована отвлеченная философская сторона вопроса и изъ нея все выведено, указывается *право*, а оставляется безъ вниманія реальная *возможность*. У Островскаго не то: у него вы находите не только нравственную, но и житейскую, экономическую сторону вопроса, а въ этомъ-то и сущность дѣла. У него вы ясно видите, какъ самодурство опирается на толстой мошнѣ, которую называетъ „Божіимъ благословіемъ“, и какъ безотвѣтность людей передъ нимъ опредѣляется матеріальною отъ него зависимостью. Мало того, вы видите, какъ эта матеріальная сторона во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ господствуетъ надъ отвлеченною, и какъ люди, лишенные матеріальнаго обезпеченія, мало цѣнятъ отвлеченныя права и даже теряютъ ясное сознаніе о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ—сытый человѣкъ можетъ разсуждать хладнокровно и умно, слѣдуетъ ли ему ѣсть такое-то кушанье; но голодный рвется къ пищѣ, гдѣ ни завидитъ ее и какова бы она ни была. Это явленіе, повторяющееся во всѣхъ сферахъ общественной жизни, хорошо замѣчено и понято Островскимъ, и его пьесы яснѣе всякихъ разсужденій показываютъ внимательному читателю, какъ система безправія и грубаго, мелочнаго эгоизма, водворенная самодурствомъ, прививается и къ тѣмъ самымъ, которые отъ него страдаютъ; какъ они, если мало-мальски сохраняютъ въ себѣ остатки энергіи, стараются употребить ее на пріобрѣтеніе возможности жить самостоятельно и уже не разбираютъ при этомъ ни средствъ, ни правъ. Мы слишкомъ подробно развивали эту тему въ прежнихъ статьяхъ нашихъ, чтобы опять къ ней возвращаться; притомъ же мы, припомнивши стороны таланта Островскаго, которыя повторялись въ „Грозѣ“, какъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ, должны все-таки сдѣлать коротенькій обзоръ самой пьесы и показать, какъ мы ее понимаемъ.

По настоящему, этого бы и не нужно; но критики, до сихъ поръ написанныя на „Грозу“, показываютъ намъ, что наши замѣчанія не будутъ лишніи.

Уже и въ прежнихъ пьесахъ Островскаго мы замѣчали, что это не комедія интригъ и не комедія характеровъ собственно, а нѣчто новое, чему мы дали бы названіе „пьесъ жизни“, если бы это не было слишкомъ обширно и потому не совсѣмъ опредѣленно. Мы хотимъ сказать, что у него на первомъ планѣ является всегда общая, независящая ни отъ кого изъ дѣйствующихъ лицъ, обстановка жизни. Онъ не караетъ ни злодѣя, ни жертву; оба они жалки вамъ, нерѣдко оба смѣшны, но не на нихъ непосредственно обра-

щается чувство, возбуждаемое въ васъ пьесою. Вы видите, что ихъ положеніе господствуетъ надъ ними, и вы вините ихъ только въ томъ, что они не выказываютъ достаточно энергіи для того, чтобы выдти изъ этого положенія. Сами самодуры, противъ которыхъ естественно должно возмущаться ваше чувство, по внимательномъ разсмотрѣніи оказываются болѣе достойны сожалѣнія, нежели вашей злости: они и добродѣтельны, и даже умны по своему въ предѣлахъ, предписанныхъ имъ рутиною и поддерживаемыхъ ихъ положеніемъ; но положеніе это таково, что въ немъ невозможно полное, здоровое, человѣческое развитіе. Мы видѣли это особенно въ анализѣ характера Русакова.

Такимъ образомъ борьба, требуемая теоріею отъ драмы, совершается въ пьесахъ Островскаго не въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ, а въ фактахъ, господствующихъ надъ ними. Часто сами персонажи комедіи не имѣютъ яснаго, или и вовсе никакого, сознанія о смыслѣ своего положенія и своей борьбы; но за то борьба весьма отчетливо и сознательно совершается въ душѣ зрителя, который невольно возмущается противъ положенія, порождающаго такіе факты. И вотъ почему мы никакъ не рѣшаемся считать ненужными и лишними тѣ лица пьесъ Островскаго, которыя не участвуютъ прямо въ интригѣ. Съ нашей точки зрѣнія, эти лица столько же необходимы для пьесы, какъ и главные: они показываютъ намъ ту обстановку, въ которой совершается дѣйствіе, рисуютъ положеніе, которымъ опредѣляется смыслъ дѣятельности главныхъ персонажей пьесы. Чтобы хорошо узнать свойства жизни растенія, надо изучать его на той почвѣ, на которой оно, растетъ; оторвавши отъ почвы, вы будете имѣть форму растенія, но не узнаете вполне его жизни. Точно такъ не узнаете вы жизни общества, если вы будете разсматривать ее только въ непосредственныхъ отношеніяхъ нѣсколькихъ лицъ, пришедшихъ почему нибудь въ столкновеніе другъ съ другомъ: тутъ будетъ только дѣловая, оффиціальная сторона жизни, между тѣмъ какъ намъ нужна будничная ея обстановка. Посторонніе, недѣятельные участники жизненной драмы, повидимому занятые только своимъ дѣломъ каждый,—имѣютъ часто однимъ своимъ существованіемъ такое вліяніе на ходъ дѣла, что его ничѣмъ и отразить нельзя. Сколько горячихъ идей, сколько обширныхъ плановъ, сколько восторженныхъ порывовъ рушится при одномъ взглядѣ на равнодушную, прозаическую толпу, съ презрительнымъ индифферентизмомъ проходящую мимо насъ! Сколько чистыхъ и добрыхъ чувствъ замираетъ въ насъ, изъ боязни, чтобы не быть осмѣяннымъ и поруганнымъ этой толпой! А съ другой стороны, и сколько преступленій, сколько порывовъ произвола и насилія останавливается предъ рѣшеніемъ

этой толпы, всегда какъ будто равнодушной и податливой, но въ сущности весьма неуступчивой въ томъ, что разъ ею признано. Поэтому чрезвычайно важно для насъ знать, каковы понятія этой толпы о добрѣ и злѣ, что у ней считается за истину и что за ложь. Этимъ опредѣляется нашъ взглядъ на положеніе, въ какомъ находятся главные лица пьесы, а слѣдовательно и степень нашего участія къ нимъ.

Въ „Грозѣ“ особенно видна необходимость такъ называемыхъ „ненужныхъ“ лицъ: безъ нихъ мы не можемъ понять лица героини и легко можемъ исказить смыслъ всей пьесы, что и случилось съ большею частію критиковъ. Можетъ быть, намъ скажутъ, что всетаки авторъ виноватъ, если его такъ легко не понять; но мы замѣтимъ на это, что авторъ пишетъ для публики, а публика если не сразу овладѣваетъ вполне сущностью его пьесъ, то и не искажаетъ ихъ смысла. Что же касается до того, что нѣкоторыя подробности могли быть отдѣланы лучше,—мы за это не стоимъ. Безъ сомнѣнія, могильщики въ „Гамлетѣ“ болѣе кстати и ближе связаны съ ходомъ дѣйствія, нежели, напримеръ, полусумасшедшая барыня въ „Грозѣ“; но мы вѣдь не то толкуемъ, что нашъ авторъ—Шекспиръ, а только то, что его постороннія лица имѣютъ резонъ своего появленія и оказываются даже необходимымъ для полноты пьесы, рассматриваемой, какъ она есть, а не въ смыслѣ абсолютнаго совершенства.

„Гроза“, какъ вы знаете, представляетъ намъ идиллію „темнаго царства“, которое мало по малу освѣщаетъ намъ Островскій своимъ талантомъ. Люди, которыхъ вы здѣсь видите, живутъ въ благословенныхъ мѣстахъ: городъ стоитъ на берегу Волги, весь въ зелени; съ крутыхъ береговъ видны далекія пространства, покрытыя селеньями и нивами; лѣтній благодатный день такъ и манитъ на берегъ, на воздухъ, подъ открытое небо, подъ этотъ вѣтерокъ, освѣжительно вѣющій съ Волги... И жители, точно, гуляютъ иногда по бульвару надъ рѣкой, хоть ужъ и приглядѣлись къ красотамъ волжскихъ видовъ; вечеромъ сѣдятъ на завалинкахъ у воротъ и занимаются благочестивыми разговорами; но больше проводятъ время у себя дома, занимаются хозяйствомъ, кушаютъ, спятъ, — спать ложатся очень рано, такъ что непривычному человеку трудно и выдержать такую сонную ночь, какую они задаютъ себѣ. Но что же имъ дѣлать, какъ не спать, когда они сыты? Ихъ жизнь течетъ такъ ровно и мирно, ни какіе интересы міра ихъ не тревожатъ, потому что не доходятъ до нихъ: царства могутъ рушиться, новыя страны открываться, лицо земли можетъ измѣняться, какъ ему угодно, міръ можетъ начать новую жизнь на новыхъ началахъ, — обита-

тели городка Калинова будутъ себѣ существовать по прежнему въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ остальномъ мірѣ. Изрѣдка забѣжитъ къ нимъ неопредѣленный слухъ, что Наполеонъ съ двадцатью языкъ опять подымается, или что антихристъ народился; но и это они принимаютъ болѣе какъ курьезную штуку; въ родѣ вѣсти о томъ, что есть страны, гдѣ всѣ люди съ песьими головами: покачаютъ головой, выразятъ удивленіе къ чудесамъ природы и пойдутъ себѣ закусить... Смолоду еще показываютъ нѣкоторую любознательность, но пищи взять ей неоткуда: свѣдѣнія заходятъ къ нимъ, точно въ древней Руси время Даниіла Паломнина, только отъ странницъ, да и тѣхъ ужъ нынче немного настоящихъ-то; приходится довольствоваться такими, которыя „сами, по немощи своей, далеко не ходили, а слышать много слыхали“, какъ Ѳеклуша въ „Грозѣ“. Отъ нихъ только и узнаютъ жители Калинова о томъ, что на свѣтѣ дѣлается; иначе они думали бы, что весь свѣтъ таковъ же, какъ и ихъ Калиновъ, и что иначе жить, чѣмъ они, совершенно невозможно. Но и свѣдѣнія, сообщаемыя Ѳеклушами, таковы, что неспособны внушить большаго желанія промѣнять свою жизнь на иную. Ѳеклуша принадлежитъ къ партіи патріотической и въ высшей степени консервативной; ей хорошо среди благочестивыхъ и наивныхъ Калиновцевъ: ее и почитаютъ, и угощаютъ, и снабжаютъ всѣмъ нужнымъ; она пресерьезно можетъ увѣрять, что самые грѣшки ея происходятъ отъ того, что она выше прочихъ смертныхъ: „простыхъ людей, говоритъ, каждаго одинъ врагъ смущаетъ, а къ намъ страннымъ людямъ, къ кому шесть, къ кому двѣнадцать приставлено, вотъ и надо ихъ всѣхъ побороть“. И ей вѣрятъ. Ясно, что простой инстинктъ самосохраненія долженъ заставить ее не сказать хорошаго слова о томъ, что въ другихъ земляхъ дѣлается. И въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ разговорамъ купечества, мѣщанства, мелкаго чиновничества въ уѣздной глуши — сколько удивительныхъ свѣдѣній о невѣрныхъ и поганыхъ царствахъ, сколько разсказовъ о тѣхъ временахъ, когда людей жгли и мучили, когда разбойники города грабили, и т. п., — и какъ мало свѣдѣній о европейской жизни, о лучшемъ устройствѣ быта! Даже въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, въ объевропеившихся людяхъ, на множество энтузіастовъ, восхищающихся новыми парижскими улицами и мабилемъ, развѣ вы не найдете почти такое же множество солидныхъ цѣнителей, которые запусиваютъ своихъ слушателей тѣмъ, что нигдѣ, кромѣ Австріи, во всей Европѣ порядка нѣтъ и никакой управы найти нельзя!.. Все это и ведетъ къ тому, что Ѳеклуша высказываетъ такъ положительно: „бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе, красота дивная! Да что ужъ и говорить, — въ обѣтован-

ной землѣ живете!“ Оно несомнѣнно такъ и выходитъ какъ сообразить, что въ другихъ-то земляхъ дѣлается. Послушайте-ко Ѳеклушу:

„Говорятъ, такія страны есть, милая дѣвушка, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а салтаны землей правятъ. Въ одной землѣ сидитъ на тронѣ салтанъ Махнутъ турецкій, а въ другой — салтанъ Махнутъ персидскій; и судъ творятъ они, милая дѣвушка, надъ всѣми людьми, и что ни судятъ они, все неправильно. И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить праведно,—такой ужь имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все напротивъ. И всѣ судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедные; такъ имъ, милая дѣвушка, и въ просьбахъ пишутъ: „суди меня, судья неправедный!“ А то есть еще земля, гдѣ всѣ люди съ песьими головами“.

„За что же такъ съ песьими?“ спрашиваетъ Глаша. „За невѣрность“, коротко отвѣчаетъ Ѳеклуша, считая всякія дальнѣйшія объясненія излишними. Но Глаша и тому рада; въ томительномъ однообразіи ея жизни и мысли, ей пріятно услышать сколько нибудь новое и оригинальное. Въ ея душѣ смутно пробуждается уже мысль, „что вотъ однако же живутъ люди и не такъ, какъ мы; оно конечно, у насъ лучше, а впрочемъ, кто ихъ знаетъ! Вѣдь и у насъ нехорошо; а про тѣ земли-то мы еще и не знаемъ хорошенько; кое-что только услышишь отъ добрыхъ людей...“ И желаніе знать побольше да поосновательнѣе закрадывается въ душу. Это для насъ ясно изъ словъ Глаши по уходѣ странницы: „Вотъ еще, какія земли есть! Какихъ-то, какихъ-то чудесъ на свѣтѣ нѣтъ! А мы тутъ сидимъ, ничего не знаемъ. Еще хорошо что добрые люди есть: нѣтъ, нѣтъ, да и услышишь, что на бѣломъ свѣту дѣлается; а то бы такъ дураками и померли“. Какъ видите, неправедность и невѣрность чужихъ земель не возбуждаетъ въ Глашѣ ужаса и негодованія; ее занимаетъ только новое свѣдѣніе, которое представляется ей чѣмъ-то загадочнымъ, — „чудесами“, какъ она выражается. Вы видите, что она не довольствуется объясненіями Ѳеклуши, которыя возбуждаютъ въ ней только сожалѣніе о своемъ невѣжествѣ. Она очевидно на полдорогѣ къ скептицизму. Но гдѣ жь ей сохранить свое недоувѣріе, когда оно безпрестанно подрывается разказами, подобными Ѳеклушинымъ? Какъ ей дойти до правильныхъ понятій, даже просто до разумныхъ вопросовъ, когда ея любознательность заперта въ такомъ кругѣ, который очерченъ около нея въ городѣ Калиновѣ? Да еще мало того, какъ бы она осмѣлилась не вѣрить да допытываться, когда старшіе и лучшіе люди такъ положительно успокаиваются въ убѣжденіи, что принятыя ими понятія и образъ жизни — наилучшіе въ мірѣ, и что все

новое происходитъ отъ нечистой силы? Страшна и тяжела для каждаго новичка попытка идти наперекоръ требованіямъ и убѣжденіямъ этой темной массы, ужасной въ своей наивности и искренности. Вѣдь она проклянетъ насъ, будетъ бѣгать, какъ зачумленныхъ, — не по злобѣ, не по расчетамъ, а по глубокому убѣжденію въ томъ, что мы сродни антихристу; хорошо еще, если только полоумнымъ сочтеть и будетъ подсмѣиваться... Она ищетъ знанія, любить разсуждать, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ, предписанныхъ ей основными понятіями, въ которыхъ путается разсудокъ. Вы можете сообщить каиновскимъ жителямъ нѣкоторыя географическія знанія; но не касайтесь того, что земля на трехъ китахъ стоитъ и что въ Іерусалимѣ есть пупъ земли—этого они вамъ не уступятъ, хотя о пупѣ земли имѣютъ такое же ясное понятіе, какъ о Литвѣ, въ „Грозѣ“.—„Это, братецъ ты мой, что такое?“ спрашиваетъ одинъ мирный гражданинъ у другого, показывая на картину.—А это литовское разореніе, отвѣчаетъ тотъ.—Битва! видишь! Какъ наши съ Литвой бились. — „Чтожь это такое Литва?“—Такъ она Литва и есть, отвѣчаетъ объясняющій.—„А говорятъ, братецъ ты мой, она на насъ съ неба упала“, продолжаетъ первый: но собесѣднику его мало до того нужды: „ну, съ неба, такъ съ неба“, отвѣчаетъ онъ... Тутъ женщина вмѣшивается въ разговоръ: „толкуй еще! Всѣ знаютъ, что съ неба; и гдѣ былъ какой бой съ ней, тамъ для памяти курганы насыпаны“.—А что, братецъ ты мой! Вѣдь это такъ точно! восклицаетъ вопрошатель, вполне удовлетворенный. И послѣ этого спросите его, что онъ думаетъ о Литвѣ! Подобный исходъ имѣютъ всѣ вопросы, задаваемые здѣсь людямъ естественной любознательностью. И это вовсе не оттого, чтобы люди эти были глупѣе, безтолковѣе многихъ другихъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ академіяхъ и ученыхъ обществахъ. Нѣтъ, все дѣло въ томъ, что они своимъ положеніемъ, своей жизнью подъ гнетомъ произвола, всѣ приучены уже видѣть безотчетность и безмысленность, и потому находятъ неловкимъ и даже дерзкимъ настойчиво доискиваться разумныхъ основаній въ чемъ бы то ни было. Задать вопросъ, — на это ихъ еще станетъ; но если отвѣтъ будетъ таковъ, что „пушка сама по себѣ, а мортира сама по себѣ“, — то они уже не смѣютъ пытаться дальше и смиренно довольствуются даннымъ объясненіемъ. Секретъ подобнаго равнодушія къ логикѣ заключается прежде всего въ отсутствіи всякой логичности въ жизненныхъ отношеніяхъ. Ключъ этой тайны даетъ намъ, на примѣръ, слѣдующая реплика Дикого, въ „Грозѣ“. Кулигинъ, въ отвѣтъ на его грубости, говоритъ: „за что, сударь, Савель Прокофьичъ, честнаго челоуѣка обижать изволите?“ Дикой отвѣчаетъ вотъ что:

„Отчесть, что ли, я стану тебѣ давать? Я и поважнѣе тебя никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человекъ, а я думаю, что ты разбойникъ, — вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Чтожь ты, судиться, что ли, со мной будешь? Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу — помилую, захочу — раздавлю“.

Какое теоретическое разсужденіе можетъ устоять тамъ, гдѣ жизнь основана на такихъ началахъ! Отсутствіе всякаго закона, всякой логики — вотъ законъ и логика этой жизни. Это не анархія, но нѣчто еще гораздо худшее (хотя воображеніе образованнаго Европейца и не умѣетъ представить себѣ ничего хуже анархіи). Въ анархіи такъ ужъ и нѣтъ никакого начала; всякъ молодецъ на свой образецъ, никто никому не указъ, всякій на приказаніе другого можетъ отвѣчать, что я, молъ, тебя знать не хочу, и такимъ образомъ всѣ озорничаютъ и ни въ чемъ согласиться не могутъ. Положеніе общества, подверженнаго такой анархіи (если только она возможна), дѣйствительно ужасно. Но вообразите, что это самое анархическое общество раздѣлилось на двѣ части: — одна оставила за собою право озорничать и не знаетъ никакого закона, а другая принуждена признавать закономъ всякую претензію первой и безропотно сносить всѣ ея капризы, всѣ безобразія... Не правда ли, что это было бы еще ужаснѣе? Анархія осталась бы та же, потому что въ обществѣ все-таки разумныхъ началъ не было бы, озорничества продолжались бы попрежнему; но половина людей принуждена была бы страдать отъ нихъ и постоянно питать ихъ собою, своимъ смиреніемъ и услужливостью. Ясно, что при такихъ условіяхъ озорничество и беззаконіе приняли бы такіе размѣры, какихъ никогда не могли бы они имѣть при всеобщей анархіи. Въ самомъ дѣлѣ, что ни говорите, а человекъ одинъ, предоставленный самому себѣ, не много надуритъ въ обществѣ и очень скоро почувствуетъ необходимость согласиться и сговориться съ другими въ видахъ общей пользы. Но никогда этой необходимости не почувствуетъ человекъ, если онъ во множествѣ подобныхъ себѣ находитъ обширное поле для упражненія своихъ капризовъ, и если въ ихъ зависимомъ, униженномъ положеніи видитъ постоянное подкрѣпленіе своего самодурства. Такимъ образомъ, имѣя общимъ съ анархіею отсутствіе всякаго закона и права, обязательнаго для всѣхъ, самодурство въ сущности несравненно ужаснѣе анархіи, потому что даетъ озорничеству больше средствъ и простора и заставляетъ страдать большее число людей, — и опаснѣе ея еще въ томъ отношеніи, что можетъ держаться гораздо дольше. Анархія (повторимъ, если только она возможна вообще) можетъ служить только переход-

нымъ моментомъ, который самъ себя съ каждымъ шагомъ долженъ образумливать и приводить къ чемунибудь болѣе здравому; самодурство, напротивъ, стремится узаконить себя и установить, какъ неизблемую систему. Оттого оно, вмѣстѣ съ такимъ широкимъ понятіемъ о своей собственной свободѣ, старается однако же принять всѣ возможныя мѣры, чтобы оставить эту свободу навсегда только за собой, чтобы оградить себя отъ всякихъ дерзкихъ попытокъ. Для достиженія этой цѣли оно признаетъ какъ будто нѣкоторыя высшія требованія, и хотя само противъ нихъ тоже проступается, но предъ другими стоитъ за нихъ твердо. Нѣсколько минутъ спустя послѣ реплики, въ которой Дикой такъ рѣшительно отвергалъ, въ пользу собственнаго каприза, всѣ нравственныя и логическія основанія для сужденія о человѣкѣ,—этотъ же самый Дикой напускается на Кулигина, когда тотъ для объясненія грозы выговорилъ слово электричество. „Ну, какъ же ты не разбойникъ,— кричитъ онъ:—гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, Татаринъ, что ли? Татаринъ ты? А, говори: Татаринъ?“ И ужь тутъ Кулигинъ не смѣетъ отвѣтить ему: „хочу такъ думать, и думаю, и никто мнѣ не указъ“. Куда тебѣ,—онъ и объясненій-то своихъ представить не можетъ: принимаютъ съ ругательствами, да и говорить-то не даютъ. Поневолѣ тутъ резонировать перестанешь, когда на всякій резонъ кулакъ отвѣчаетъ, и всегда въ концѣ концовъ кулакъ остается правымъ...

Но—чудное дѣло!—въ своемъ непререкаемомъ, безотвѣтственномъ темномъ владычествѣ, давая полную свободу своимъ прихотямъ, ставя ни во что всякіе законы и логику, самодуры русской жизни начинаютъ однако же ощущать какое-то недовольство и страхъ, сами не зная передъ чѣмъ и почему. Все, кажется, попрежнему, все хорошо: Дикой ругаетъ, кого хочетъ; когда ему говорятъ: „какъ это на тебя никто въ цѣломъ домѣ угодить не можетъ!“—онъ самодовольно отвѣчаетъ: „вотъ поди жь ты!“ Кабанова держитъ попрежнему въ страхѣ своихъ дѣтей, засгавляетъ невестку соблюдать всѣ этикеты старины, ѣстъ ее какъ ржа желѣзо, считаетъ себя вполнѣ непогрѣшимой и ублажается разными Ѳеклушами. А все какъ-то неспокойно, нехорошо имъ. Помимо ихъ, не спросясь ихъ, выросла другая жизнь, съ другими началами, и хоть далеко она, еще и не видна хорошенько, но уже даетъ себя предчувствовать и посылаетъ нехорошія видѣнія темному произволу самодуровъ. Они ожесточенно ищутъ своего врага, готовы напуститься на самага невиннаго, на какогонибудь Кулигина; но нѣтъ ни врага, ни виновнаго, котораго могли бы

они уничтожить: законъ времени, законъ природы и исторіи беретъ свое, и тяжело дышутъ старые Кабановы, чувствуя, что есть сила выше ихъ, которой они одолѣть не могутъ, къ которой даже и подступить не знаютъ какъ. Они не хотятъ уступать (да никто покамѣстъ и не требуетъ отъ нихъ уступокъ), но съеживаются, сокращаются; прежде они хотѣли утвердить свою систему жизни на вѣки нерушимую и теперь то же стараются проповѣдывать; но уже надежда измѣняетъ имъ, и они въ сущности хлопочутъ только о томъ, какъ бы на ихъ вѣкъ стало... Кабанова разсуждаетъ о томъ, что „последнія времена приходятъ“, и когда Оеклуша разсказываетъ ей о разныхъ ужасахъ настоящаго времени—о желѣзныхъ дорогахъ и т. п.—она пророчески замѣчаетъ: „и хуже, милая, будетъ“.— Намъ бы только не дожить до этого, со вздохомъ отвѣчаетъ Оеклуша.—„Можетъ и доживемъ“, фаталистически говоритъ опять Кабанова, обнаруживая свои сомнѣнія и неувѣренность. А отчего она тревожится? Народъ по желѣзнымъ дорогамъ ѣздитъ,—да ей-то что отъ этого? А вотъ видите ли: она, „хоть ты ее всю золотомъ осыпь“, не поѣдетъ по дьявольскому изобрѣтенію; а народъ ѣздитъ, все больше и больше, не обращая вниманія на ея проклятія; развѣ это не грустно, развѣ не служитъ свидѣтельствомъ ея безсилія? Объ электричествѣ провѣдали люди,—кажется, что тутъ обиднаго для Дикихъ и Кабановыхъ? Но видите ли, Дикой говоритъ, что „гроза въ наказанье намъ посылается, чтобъ мы чувствовали“, а Кулигинъ не чувствуетъ, или чувствуетъ совсѣмъ не то, и толкуетъ объ электричествѣ. Развѣ это не своеволие, не пренебреженіе власти и значенія Дикого? Не хотятъ вѣрить тому, чему онъ вѣритъ,—значитъ и ему не вѣрятъ, считаютъ, себя умнѣе его; разсудите, къ чему же это поведетъ? Не даромъ Кабанова замѣчаетъ о Кулигинѣ: „вотъ времена-то пришли, какіе учителя проявились! Коли старикъ такъ разсуждаетъ, чего ужъ отъ молодыхъ-то требовать!“ И Кабанова очень серьезно огорчается будущностью старыхъ порядковъ, съ которыми она вѣкъ изжила. Она предвидитъ конецъ ихъ, старается поддержать ихъ значеніе, но уже чувствуетъ, что нѣтъ къ нимъ прежняго почтенія, что ихъ сохраняютъ уже неохотно, только поневолѣ, и что при первой возможности ихъ бросятъ. Она уже и сама какъ-то потеряла часть своего рыцарскаго жара; уже не съ прежней энергіей заботится она о соблюденіи старыхъ обычаевъ, во многихъ случаяхъ она ужъ махнула рукой, поникла предъ невозможностью остановить потокъ, и только съ отчаяніемъ смотритъ, какъ онъ затопляетъ мало-помалу пестрые цвѣтники ея прихотливыхъ суевѣрій. Точно послѣдніе язычники предъ силою христіанства, такъ пони-

каютъ и стираются порожденія самодуровъ, застигнутыя ходомъ новой жизни. Даже рѣшимости вступить на прямую открытую борьбу въ нихъ нѣтъ; они только стараются какъ нибудь обмануть время, да разливаются въ бесплодныхъ жалобахъ на новое движеніе. Жалобы эти всегда слышались отъ стариковъ, потому что всегда новыя поколѣнія вносили въ жизнь что нибудь новое, противное прежнимъ порядкамъ; но теперь жалобы самодуровъ принимаютъ какой-то особенно мрачный, похоронный тонъ. Кабанова только тѣмъ и утѣшается, что еще какъ нибудь, съ ея помощью, пролипятъ старые порядки до ея смерти; а тамъ—пусть будетъ, что угодно — она ужь не увидитъ. Провожая сына въ дорогу, она замѣчаетъ, что все дѣлается не такъ, какъ нужно по ея: сынъ ей и въ ноги не кланяется,—надо этого именно потребовать отъ него, а самъ не догадался; и женѣ своей онъ не „приказываетъ“, какъ жить безъ него, да и не умѣетъ приказать, и при прощаньи не требуетъ отъ нея земного поклона; и невѣстка, проводивши мужа, не воетъ и не лежитъ на крыльцѣ, чтобы показать свою любовь. По возможности, Кабанова старается водворить порядокъ, но уже чувствуетъ, что невозможно вести дѣло совершенно по старинѣ; на примѣръ, относительно вытья на крыльцѣ она уже только замѣчаетъ невѣсткѣ въ видѣ совѣта, но не рѣшается настоятельно требовать... За то проводы сына внушаютъ ей такія грустныя размышленія:

„Молодость-то что значить! Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ! Кабы не свои, насмѣялась бы досыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Проститься-то путемъ не умѣютъ. *Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть*,—ими домъ-то и держится, пока живы. *А вѣдь тоже, мучные, на свою волю хотятъ*; а выйдутъ на волю-то, такъ и путаются на позоръ, на смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются. Да не смѣяться-то нельзя; гостей позовутъ—посадить не умѣютъ, да еще, гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ да и только! *Такъ-то вотъ старина-то и выводится*. Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. *Что будетъ, какъ старики-то перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужь я и не знаю. Ну, да ужь хоть то хорошо, что не увижу ничего*“.

Пока старики перемрутъ, до тѣхъ поръ молодые усилятъ состариться,—на этотъ счетъ старуха могла бы и не беспокоиться. Но ей, видите ли, важно не то собственно, чтобы всегда было кому смотрѣть за порядкомъ и научать неопытныхъ; ей нужно, чтобы всегда нерушимо сохранялись именно тѣ порядки, остались неприкосновенными именно тѣ понятія, которыя она признаетъ хорошими. Въ узости и грубости своего эгоизма она не можетъ возвы-

ситься даже до того, чтобы помириться на торжествѣ принципа, хотя бы и съ пожертвованіемъ существующихъ формъ; да и нельзя отъ нея ожидать этого, такъ какъ у нея собственно нѣтъ никакого принципа, нѣтъ никакого общаго убѣжденія, которое бы управляло ея жизнью. Она въ этомъ случаѣ гораздо ниже того сорта людей, которыхъ принято называть просвѣщенными консерваторами. Тѣ расширили нѣсколько свой эгоизмъ, сливши съ нимъ требованіе порядка общаго, такъ что для сохраненія порядка они способны даже жертвовать нѣкоторыми личными вкусами и выгодами. На мѣстѣ Кабановой они бы, напримеръ, не стали предъявлять уродливыхъ и унижительныхъ требованій земныхъ поклоновъ и оскорбительныхъ „наказовъ“ отъ мужа женѣ, а озаботились бы только о сохраненіи общей идеи,—что жена должна бояться своего мужа и покорствоваться свекрови. Невѣстка не испытывала бы такихъ тяжелыхъ сценъ, хотя и была бы точно такъ же въ полной зависимости отъ старухи. И результатъ былъ бы тотъ, что какъ бы ни плохо было молодой женщинѣ, но терпѣніе ея продолжалось бы несравненно дольше, будучи испытываемо медленнымъ и ровнымъ гнетомъ, нежели когда оно раздражалось рѣзкими и жестокими выходками. Отсюда ясно разумѣется, что для самой Кабановой и для той старины, которую она защищаетъ, гораздо выгоднѣе было бы отказаться отъ нѣкоторыхъ пустыхъ формъ и сдѣлать частныя уступки, чтобы удержать сущность дѣла. Но порока Кабановыхъ не понимаетъ этого: они не дошли даже до того, чтобы представлять или защищать какой нибудь принципъ внѣ себя,—они сами принципъ, и потому все, касающееся ихъ, они признаютъ абсолютно важнымъ. Имъ нужно не только, чтобъ ихъ уважали, но чтобъ уваженіе это выражалось именно въ извѣстныхъ формахъ: вогъ еще на какой степени стоятъ они! Оттого, разумѣется, внѣшній видъ всего, на что простирается ихъ вліяніе, болѣе сохраняетъ въ себѣ старины и кажется болѣе неподвижнымъ, чѣмъ тамъ, гдѣ люди, отказавшись отъ самодурства, стараются уже только о сохраненіи сущности своихъ интересовъ и значенія; но въ самомъ-то дѣлѣ внутреннее значеніе самодуровъ гораздо ближе къ своему концу, нежели вліяніе людей, умѣющихъ поддерживать себя и свой принципъ внѣшними уступками. Оттого-то такъ и печальна Кабанова, оттого-то такъ и бѣшенъ Дикой: они до послѣдняго момента не хотѣли укоротить своихъ широкихъ замашекъ, и теперь находятся въ положеніи богатаго купца накануне банкротства. Все у него по прежнему, и праздникъ онъ задаетъ сегодня, и миллионный оборотъ порѣшилъ поутру, и кредитъ еще не подорванъ; но уже ходятъ какіе-то темные слухи, что у него нѣтъ наличнаго

капитала, что его аферы не надежны, и завтра нѣсколько кредиторовъ намѣрены предъявить свои требованія; денегъ нѣтъ, отсрочки не будетъ, и все зданіе шарлатанскаго призрака богатства будетъ завтра опрокинуто.—Дѣло плохо... Разумѣется, въ подобныхъ случаяхъ купецъ устремляетъ всю свою заботу на то, чтобы надуть своихъ кредиторовъ и заставить ихъ вѣрить въ его богатство: такъ точно Кабановы и Дикіе хлопчутъ теперь о томъ, чтобы только продолжилась вѣра въ ихъ силу. Поправить свои дѣла они ужь и не рассчитываютъ; но они знаютъ, что ихъ своевольство еще будетъ имѣть довольно простора до тѣхъ поръ, пока всѣ будутъ робѣть передъ ними; и вотъ почему они такъ упорны, такъ высокомерны, такъ грозны даже въ послѣдніе минуты, которыхъ уже немного осталось имъ, какъ они сами чувствуютъ. Чѣмъ менѣе чувствуютъ они дѣйствительной силы, тѣмъ сильнѣе поражаетъ ихъ вліяніе свободнаго, здраваго смысла; доказывающее имъ, что они лишены всякой разумной опоры, тѣмъ наглѣе и безумнѣе отрицаютъ они всякія требованія разума, ставя себя и свой произволь на ихъ мѣсто. Наивность, съ которою Дикой говоритъ Кулигину: „хочу считать тебя мошенникомъ, такъ и считаю; и дѣла мнѣ нѣтъ до того, что ты честный человѣкъ, и отчета никому не даю, почему такъ думаю“,—эта наивность не могла бы высказаться во всей своей самодурной нелѣпости, если бы Кулигинъ не вызвалъ ее скромнымъ запросомъ: „да за что же вы обижаете честнаго человѣка?...“ Дикой хочетъ, видите, съ перваго же раза оборвать всякую попытку требовать отъ него отчета, хочетъ показать, что онъ выше не только отчетности, но и обыкновенной логики человѣческой. Ему кажется, что если онъ признаетъ надъ собою законы здраваго смысла, общаго всѣмъ людямъ, то его важность сильно пострадаетъ отъ этого. И вѣдь въ большей части случаевъ такъ дѣйствительно и выходитъ,—потому что его претензіи бывають противны здравому смыслу. Отсюда и развивается въ немъ вѣчное, недовольство и раздражительность. Онъ самъ объясняетъ свое положеніе, когда говоритъ о томъ, какъ ему тяжело деньги выдавать. „Что ты мнѣ прикажешь дѣлать, когда у меня сердце такое! Вѣдь ужь знаю, что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить—обругаю. Я отдать,—отдамъ, а обругаю. Потому только зайкнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю внутренюю разжигать станетъ; всю внутренюю разжигаетъ, да и только... Ну, и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка.“ Отдача денегъ, какъ фактъ матеріальный и наглядный, даже въ сознаніи самого Дикого пробуждаетъ нѣкоторое размышленіе: онъ сознаетъ, какъ онъ нелѣпъ, и сваливаетъ вину

на то, что „сердце у него такое!“ Въ другихъ случаяхъ онъ даже и не сознаетъ хорошенько своей нелѣпости; но по сущности своего характера непремѣнно долженъ при всякомъ торжествѣ здраваго смысла чувствовать такое же раздраженіе, какъ и тогда, когда приходится необходимость выдавать деньги. Ему тяжело расплачиваться вотъ почему: по естественному эгоизму онъ желаетъ, чтобы ему было хорошо; все окружающее его убѣждаетъ, что это хорошее достается деньгами; отсюда прямая привязанность къ деньгамъ. Но тутъ его развитіе останавливается, эгоизмъ его остается въ предѣлахъ отдѣльной личности и знать не хочетъ ея отношеній къ обществу, къ своимъ ближнимъ. Ему надо побольше денегъ, — это онъ знаетъ, и потому желалъ бы ихъ только получать, а не отдавать. Когда же, по естественному ходу дѣлъ, доходить до отдачи, то онъ сердится и ругается: онъ принимаетъ это, какъ несчастіе, наказаніе, въ родѣ пожара, наводненія, штрафа — а не какъ должную, законную расплату за то, что для него дѣлаютъ другіе. Такъ и во всемъ: по желанію себѣ добра, онъ хочетъ простора, независимости; но знать не хочетъ закона, опредѣляющаго пріобрѣтеніе и пользованіе всякими правами въ обществѣ. Онъ только хочетъ больше, какъ можно больше правъ для себя; когда же нужно признать ихъ и за другими, онъ считаетъ это посягательствомъ на его личное достоинство, и сердится, и старается всячески оттянуть дѣло и воспрепятствовать ему. Даже когда онъ и знаетъ, что ужъ непременно надо уступить, и уступить потомъ, а все-таки прежде постарается напакостить. „Я отдать,—отдамъ, а обругаю!“ И надо полагать, что чѣмъ значительнѣе выдача денегъ и чѣмъ настоятельнѣе необходимость ея, тѣмъ сильнѣе ругается Дикой... Изъ этого слѣдуетъ, что, во-первыхъ, ругательство и все бѣшенство его, хотя и неприятны, но не особенно страшны, и кто, убоявшись ихъ, отступился бы отъ денегъ и подумалъ, что ихъ ужъ и получить нельзя, тотъ поступилъ бы очень глупо; во-вторыхъ, что напрасно было бы надѣяться на исправленіе Дикого посредствомъ какихъ нибудь вразумленій: привычка дурить ужъ въ немъ такъ сильна, что онъ подчиняется ей даже вопреки голосу собственнаго здраваго смысла. Ясно, что его никакія разумныя убѣжденія не остановятъ до тѣхъ поръ, пока съ ними не соединяется осязательная для него, внѣшняя сила: Кулигина онъ ругаетъ, не внимая никакимъ резонамъ; а когда его самого однажды на перевозѣ, на Волгѣ, гусарь обругалъ, такъ онъ съ гусаромъ не посмѣлъ связаться, а опять-таки выместить свою обиду дома: двѣ недѣли послѣ этого всѣ прятались отъ него по чердакамъ да по чуланамъ...

Всѣ подобныя отношенія даютъ вамъ чувствовать, что положеніе Дикихъ, Кабановыхъ и всѣхъ подобныхъ имъ самодуровъ далеко уже не такъ спокойно и твердо, какъ было нѣкогда, въ блаженныя времена патріархальныхъ нравовъ. Тогда, если вѣрить сказаніямъ старыхъ людей, — Дикой могъ держаться въ своей высокомерной прихотливости, не силою, а всеобщимъ согласіемъ. Онъ дурилъ, не думая встрѣтить противодѣйствія, и не встрѣчалъ его: все окружающее было проникнуто одной мыслью, однимъ желаніемъ — угодить ему; никто не представлялъ другой цѣли своего существованія, кромѣ исполненія его прихотей. Чѣмъ больше сумасбродствовалъ какойнибудь дармоѣдъ, чѣмъ наглѣе попиралъ онъ права человѣчества, тѣмъ довольнѣе были тѣ, которые своимъ трудомъ кормили его и которыхъ онъ дѣлалъ жертвами своихъ фантазій. Благоговѣйные рассказы старыхъ лакеевъ о томъ, какъ ихъ вельможные бары травили мелкихъ помѣщиковъ, надругались надъ чужими женами и невинными дѣвушками, сѣкли на конюшнѣ присланныхъ къ нимъ чиновниковъ, и т. п. — рассказы военныхъ историковъ о величій какогонибудь Наполеона, безстрашно жертвовавшего сотнями тысячъ людей для забавы своего генія, воспоминанія галантныхъ стариковъ о какомънибудь Донъ-Жуанѣ ихъ времени, который „никому спуску не давалъ“ и умѣлъ опозорить всякую дѣвушку и перессорить всякое семейство, — всѣ подобныя рассказы доказываютъ, что еще и не очень далеко отъ насъ это патріархальное время. Но, къ великому огорченію самодурныхъ дармоѣдовъ, — оно быстро отъ насъ удаляется, и теперь положеніе Дикихъ и Кабановыхъ далеко не такъ пріятно: они должны заботиться о томъ, чтобы укрѣпить и оградить себя, потому что отовсюду возникаютъ требованія, враждебныя ихъ произволу и грозящія имъ борьбою съ пробуждающимся здравымъ смысломъ огромнаго большинства человѣчества. — Отсюда возникаетъ постоянная подозрительность, щепетильность и придиричивость самодуровъ: сознавая внутренно, что ихъ не за что уважать, но не признаваясь въ этомъ даже самимъ себѣ, они обнаруживаютъ недостатокъ увѣренности въ себѣ мелочностью своихъ требованій и постоянными, кстати и некстати, напоминаніями и внушеніями о томъ, что ихъ должно уважать. Эта черта чрезвычайно выразительно проявляется въ „Грозѣ“, въ сценѣ Кабановой съ дѣтьми, когда она, въ отвѣтъ на покорное замѣчаніе сына: „могу ли я, маменька, васъ послушаться“, — возражаетъ: „не очень-то нынче старшихъ-то уважаютъ!“ — и затѣмъ начинаетъ пилить сына и невестку, такъ что душу вытягиваетъ у посторонняго зрителя.

„Кабановъ. Я, кажется, маменька, изъ вашей воли ни на шагъ.

„Кабанова. Повѣрила бы я тебѣ, мой другъ, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, какво теперь стало почтеніе родителямъ отъ дѣтей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болѣзней отъ дѣтей переносятъ.

„Кабановъ. Я, маменька...

„Кабанова. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажетъ, такъ, я думаю, можно бы перенести! А,—какъ ты думаешь?

„Кабановъ. Да когда же я, маменька, не переносилъ отъ васъ?

„Кабанова. Мать стара; глупа; ну а вы, молодые люди, умные, не должны съ насъ, дураковъ, и взыскивать.

„Кабановъ (вздыхая,—въ сторону). Ахъ ты Господи! (матери) Да смѣемъ ли мы, маменька, подумать!

„Кабанова. Вѣдь отъ любви родители и строги-то къ вамъ бываютъ, отъ любви васъ и бранятъ-то, все думаютъ добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдутъ дѣтки-то по людямъ славить, что мать ворчунья, что мать проходу не даетъ, со свѣту сживаетъ... А, сохрани Господи, какимъ нибудь словомъ снохѣ не угодить,—ну, и пошелъ разговоръ, что свекровь заѣла совсѣмъ.

„Кабановъ. Нешто, маменька, кто говоритъ про васъ?

„Кабанова. *Не слыхала, мой другъ, не слыхала, мать не хочу. Ужъ кабы я слыхала, я бы съ тобой, мой милый, тогда не такъ заговорила.*“

И послѣ этого сознанія старуха все-таки продолжаетъ на цѣлыхъ двухъ страницахъ пилить сына. Она не имѣетъ на это никакихъ резоновъ, но у ней сердце неспокойно: сердце у нея вѣщунъ, оно даетъ ей чувствовать, что что-то неладно, что внутренняя, живая связь между ею и младшими членами семьи давно рушилась, и теперь они только механически связаны съ нею и рады были бы всякому случаю развязаться.

Мы очень долго останавливались на господствующихъ лицахъ „Грозы“, потому что, по нашему мнѣнію, исторія, разыгравшаяся съ Катериною, рѣшительно зависитъ отъ того положенія, какое неизбежно выпадаетъ на ея долю между этими лицами, въ томъ бытѣ, который установленъ подъ ихъ вліяніемъ. „Гроза“ есть, безъ сомнѣнія, самое рѣшительное произведеніе Островскаго; взаимныя отношенія самодурства и безгласности доведены въ ней до самыхъ трагическихъ послѣдствій; и при всемъ томъ большая часть читавшихъ и видѣвшихъ эту пьесу соглашается, что она производитъ впечатлѣніе менѣе тяжкое и грустное, нежели другія пьесы Островскаго (не говоря, разумѣется, объ его этюдахъ чисто-комическаго характера) Въ „Грозѣ“ есть даже что-то освѣжающее и ободряющее. Это „что-то“ и есть, по нашему мнѣнію, фонъ пьесы, указанный нами и

обнаруживающей шаткость и близкий конец самодурства. Затѣмъ самый характеръ Катерины, рисующійся на этомъ фонѣ, тоже вѣдетъ на насъ новою жизнью, которая открывается намъ въ самой ея гибели.

Дѣло въ томъ, что характеръ Катерины, какъ онъ исполненъ въ „Грозѣ“, составляетъ шагъ впередъ не только въ драматической дѣятельности Островскаго, но и во всей нашей литературѣ. Онъ соотвѣтствуетъ новой фазѣ нашей народной жизни, онъ давно требовалъ своего осуществленія въ литературѣ, около него вертѣлись наши лучшіе писатели; но они умѣли только понять его надобность и не могли уразумѣть и почувствовать его сущности; это сумѣлъ сдѣлать Островскій. Ни одна изъ критикъ на „Грозу“ не хотѣла или не умѣла представить надлежащей оцѣнки этого характера; поэтому мы рѣшаемся еще продлить нашу статью, чтобы съ нѣкоторой обстоятельностью изложить какъ мы понимаемъ характеръ Катерины и почему созданіе его считаемъ такъ важнымъ для нашей литературы.

Русская жизнь дошла наконецъ до того, что добродѣтельные и почтенныя, но слабыя и безличныя существа не удовлетворяютъ общественнаго сознанія и признаются нигде негодными. Почувствовалась неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ. Иначе и невозможно: какъ скоро сознаніе правды и права, здравый смыслъ проснулись въ людяхъ, они непременно требуютъ не только отвлеченнаго съ ними согласія (которымъ такъ блистали всегда добродѣтельные герои прежняго времени), но и внесенія ихъ въ жизнь, въ дѣятельность. Но чтобы внести ихъ въ жизнь, надо побороть много препятствій, представляемыхъ Дикими, Кабановыми, и т. п.; для преодоленія препятствій нужны характеры предприимчивые, рѣшительные, настойчивые. Нужно, чтобы въ нихъ воплотилось, съ ними слилось то общее требованіе правды и права, которое наконецъ прорывается въ людяхъ сквозь всѣ преграды, поставленныя Дикими самодурами. Теперь большая задача представлялась въ томъ, какъ же долженъ образоваться и проявиться характеръ, требуемый у насъ новымъ поворотомъ общественной жизни. Задачу эту пытались разрѣшать наши писатели, но всегда болѣе или менѣе неудачно. Намъ кажется, что всѣ ихъ неудачи происходили оттого, что они просто логическимъ процессомъ доходили до убѣжденія, что такого характера ищетъ русская жизнь, и затѣмъ кроили его сообразно съ своими понятіями о требованіяхъ доблести вообще и русской въ особенности. Такимъ образомъ и явился, на примѣръ, Калиновичъ, чуть не таскающій купца за бороду, чтобъ тотъ пожертвовалъ десять ты-

сячь на пользу общества, и истязающій въ тюрьмѣ старого князя, на любовницѣ котораго женился, чтобъ составить себѣ карьеру. Такъ явился и Штольцъ, отлично управляющій имѣньями и умѣющій живо уничтожать фальшивые векселя при помощи благодѣтельнаго начальства. Явился Инсаровъ, бросающій Нѣмца въ воду, не соглашающійся жить даромъ, въ гостяхъ на дачѣ у пріятеля, и даже рѣшающійся жениться на любимой дѣвушкѣ!! Явилась и княжна Зинаида, нѣчто среднее между Печоринымъ и Ноздревымъ въ юбкѣ... Все это были претензіи на сильные, дѣльные характеры. Но верхъ ихъ представлялъ въ прошломъ году Ананій Яковлевъ, по поводу котораго московскій господинъ Аполлонъ Майковъ напечаталъ такую удивительную статейку въ „Санкт - петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, что я не постигаю, какъ Кузьма Прутковъ до сихъ поръ не составилъ изъ нея новой серіи афоризмовъ. Вамъ извѣстно, можетъ быть, что Ананій Яковлевъ, извѣстясь о младенцѣ, котораго въ его отсутствіе прижила жена его съ помѣщикомъ, воспаляется гнѣвомъ и, весьма почтительно объясняясь съ помѣщикомъ, грубитъ однакоже бурмистру, колотитъ свою жену и наконецъ, разъярившись до нельзя, хватаетъ младенца объ уголъ головой, послѣ чего бѣжитъ въ лѣсъ, но проголодавшись, передаетъ себя въ руки правосудія. Лицо очевидно сильное, хотя болѣе въ физическомъ, нежели въ нравственномъ и литературномъ смыслѣ. Но не эта сила рвется наружу изъ тайниковъ русской жизни, и не таково должно быть ея проявленіе. Оттого-то мы вовсе не понимаемъ, какимъ образомъ можно „Горькую Судьбину“ возвышать надъ уровнемъ безчисленнаго множества повѣстей, комедій и драмъ, обличающихъ крѣпостное право, тупость чиновничества и грубость русскаго мужика. Если вы даете ее намъ, какъ пьесу безъ особенныхъ претензій, просто мелодраматическій случай, въ родѣ жестокихъ произведеній Сю, — то мы ничего не говоримъ и остаемся даже довольны: все-таки это лучше, нежели, напр., умильные представленія г. Н. Львова и графа Соллогуба, поражающія васъ полнымъ искаженіемъ понятій о долгѣ и чести. Но если вы претендуете на какое-то болѣе высокое и общее значеніе этой пьесы, то мы рѣшительно не видимъ никакой возможности согласиться съ вами. Ананій Яковлевъ, взятый не какъ малодушное исключеніе, а какъ типъ, представляется намъ клеветою на русскую натуру и русскую жизнь, которая такъ же мало способна развивать характеры, подобные Ананію, какъ и помѣщиковъ, подобныхъ Чеглову. Одно изъ двухъ: если Ананій точно сильная натура, какъ его и хочетъ представить авторъ, — тогда онъ гнѣвъ свой долженъ обратить прямо на причину своего

несчастія, либо совсѣмъ преодолѣть себя, по соображенію, что тутъ никто не виноватъ; такія развязки постоянно мы и видимъ въ русской жизни, когда сильные характеры сталкиваются съ враждебными обстоятельствами. Если же онъ просто малодушный и безтолковый озорникъ, какъ выходитъ по сущности дѣла, то нужно признаться, что положеніе, взятое для него въ пьесѣ, вовсе нейдетъ къ этому типу, да и развито совсѣмъ не такъ, чтобы ярко обозначить его существенныя черты. Впрочемъ, — Богъ съ ней, съ этой пьесой: она уже забыта теперь, какъ забыть князь Луповицкій и другія благонамѣренныя, но фальшивыя произведенія, имѣвшія претензію на представленіе характеристическихъ народныхъ типовъ. Мы остановились на минуту предъ нею потому только, что многіе принимали Ананія за чисто-русскій типъ. А намъ, напротивъ, показалось, что въ немъ просто дается намъ утрировка того, что у нѣкоторыхъ писателей называется „широкою русской натурою“. Авторъ „Горькой Судьбины“, по нашему мнѣнію, ненамѣренно достигаетъ результата, подобнаго тому, какой достигался комедіями, писанными по повелѣнію Петра Великаго противъ раскольниковъ. Извѣстно, что въ тѣхъ комедіяхъ раскольникъ всегда выставлялся какимъ-то дикимъ и бессмысленнымъ чудовищемъ, и такимъ образомъ комедія говорила: „смотрите, вотъ они каковы; можно ли довѣряться ихъ ученію и соглашаться на ихъ требованія?“ Такъ точно и „Горькая Судьбина“, рисуя намъ Ананья Яковлева, говоритъ: „вотъ каковъ русскій человекъ, когда онъ почувствуетъ немножко свое личное достоинство, и вслѣдствіе того расходится!“ И критики, признающіе за „Горькой Судьбиной“ общее значеніе и видящіе въ Ананіи типъ, дѣлаются соучастниками этой клеветы, конечно, ненамѣренной со стороны автора.

Не такъ понятъ и выраженъ русскій сильный характеръ въ „Грозѣ.“ Онъ прежде всего поражаетъ насъ своею противоположностью всякимъ самодурнымъ началамъ. Не съ инстинктомъ буйства и разрушенія, но и не съ практической ловкостью улаживать для высокихъ цѣлей свои собственныя дѣлишки, не съ бессмысленнымъ, трескучимъ пафосомъ, но и не съ дипломатическимъ, педантскимъ расчетомъ является онъ передъ нами. Нѣтъ, онъ сосредоточенно-рѣшителенъ, неуклонно вѣренъ чутью естественной правды, исполненъ вѣры въ новые идеалы и самоотверженъ, въ томъ смыслѣ, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тѣхъ началахъ, которыя ему противны. Онъ водится не отвлеченными принципами, не практическими соображеніями, не мгновеннымъ пафосомъ, а просто *натурою*, всѣмъ существомъ своимъ. Въ этой цѣльности и гармоніи характера заключается его сила, и существенная необходимость его въ то время, когда старыя, дикія отноше-

ніа, потерявъ всякую внутреннюю силу, продолжаютъ держаться внѣшнею, механическою связью. Человѣкъ, только логически понимающій нелѣпость самодурства Дикихъ и Кабановыхъ, ничего не сдѣлаетъ противъ нихъ уже потому, что предъ ними всякая логика исчезаетъ: никакими силлогизмами вы не убѣдите цѣль, чтобъ она распалась на узникѣ, кулакѣ, чтобъ отъ него не было больно прибитому; такъ не убѣдите вы и Дикого поступать разумнѣе, да не убѣдите и его домашнихъ—не слушать его прихотей: приколотитъ онъ ихъ всѣхъ, да и только,—что съ этимъ дѣлать будешь? Очевидно, что характеры, сильные одной логической стороною, должны развиваться очень убого и имѣть весьма слабое вліяніе на общую дѣятельность тамъ гдѣ всею жизнью управляетъ не логика, а чистѣйшій произволъ. Не очень благопріятно господство Дикихъ и для развитія людей, сильныхъ такъ называемымъ практическимъ смысломъ. Что ни говорите объ этомъ смыслѣ, но въ сущности онъ есть не что иное, какъ умѣнье пользоваться обстоятельствами и располагать ихъ въ свою пользу. Значитъ, практической смыслъ можетъ вести человѣка къ прямой и честной дѣятельности только тогда, когда обстоятельства располагаются сообразно съ здравой логикой и слѣдовательно съ естественными требованіями человѣческой нравственности. Но тамъ, гдѣ все зависитъ отъ грубой силы, гдѣ неразумная прихоть нѣсколькихъ Дикихъ или суевѣрное упрямство какой нибудь Кабановой разрушаетъ самые вѣрные логическіе расчеты и нагло презираетъ самую первую основанія взаимныхъ правъ, тамъ умѣнье пользоваться обстоятельствами очевидно превращается въ умѣнье примѣняться къ прихотямъ самодуровъ и поддѣлываться подъ всѣ ихъ нелѣпости, чтобы и себѣ проложить дорожку къ ихъ выгодному положенію. Подхалюзины и Чичиковы—вотъ сильные практическіе характеры „темнаго царства“, другихъ не развивается между людьми чисто-практическаго закала, подъ вліяніемъ господства Дикихъ. Самое лучшее, о чемъ можно мечтать для этихъ практиковъ, это уподобленіе Штольцу, то есть умѣнье обдѣлывать кругленько свои дѣлишки безъ подлостей; но общественный живой дѣятель изъ нихъ не явится. Не больше надеждъ можно полагать и на характеры патетическіе, живущіе минутою и вспышкою. Ихъ порывы случайны и кратковременны; ихъ практическое значеніе опредѣляется удачей. Пока все идетъ согласно ихъ надеждамъ, они бодры, предприимчивы; какъ скоро противодѣйствіе сильно, они падаютъ духомъ, охлаждаются, отступаются отъ дѣла и ограничиваются бесплодными, хотя и громкими, восклицаніями. И такъ какъ Дикой и ему подобные вовсе неспособны отдать свое значеніе и свою силу безъ сопротивленія, такъ какъ ихъ вліяніе врѣ-

зало уже глубокиѣ слѣды въ самомъ бытѣ и потому не можетъ быть уничтожено однимъ разомъ, то на патетическіе характеры нечего и смотрѣть, какъ на что нибудь серьезное. Даже при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, когда бы видимый успѣхъ ободрялъ ихъ, т. е. когда бы самодуры могли понять шаткость своего положенія и стали дѣлать уступки,—и тогда патетическіе люди не очень много бы сдѣлали. Они отличаются тѣмъ, что увлекаясь внѣшнимъ видомъ и ближайшими послѣдствіями дѣла, никогда почти не умѣютъ заглянуть въ глубину, въ самую сущность дѣла. Оттого они очень легко удовлетворяются, обманутые какими нибудь частными, ничтожными признаками успѣха ихъ началъ. Когда же ошибка ихъ станетъ ясною для нихъ самихъ, тогда они дѣлаются разочарованными, впадаютъ въ апатію и ничего-недѣланье. Дикой и Кабанова продолжаютъ торжествовать.

Такимъ образомъ, перебирая разнообразныя типы, являшіеся въ нашей жизни и воспроизведенные литературой, мы постоянно приходили къ убѣжденію, что они не могутъ служить представителями того общественнаго движенія, которое чувствуется у насъ теперь и о которомъ мы,—по возможности подробно,—говорили выше. Видя это, мы спрашивали себя: какъ же однако опредѣлятся новыя стремленія въ отдѣльной личности? какими чертами долженъ отличаться характеръ, которымъ совершится рѣшительный разрывъ съ старыми, нелѣпыми и насильственными отношеніями жизни? Въ дѣйствительной жизни пробуждающагося общества мы видѣли лишь намеки на рѣшеніе нашихъ вопросовъ, въ литературѣ—слабое повтореніе этихъ намековъ; но въ „Грозѣ“ составлено изъ нихъ цѣлое, уже съ довольно ясными очертаніями; здѣсь является передъ нами лицо, взятое прямо изъ жизни, но выясненное въ сознаніи художника и поставленное въ такія положенія, которыя даютъ ему обнаружиться полнѣе и рѣшительнѣе, нежели какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ обыкновенной жизни. Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ лагерротипной точности, въ которой нѣкоторые критики обвиняли Островскаго; но есть именно художественное соединеніе однородныхъ чертъ, проявляющихся въ разныхъ положеніяхъ русской жизни, но служащихъ выраженіемъ одной идеи.

Рѣшительный, цѣльный русскій характеръ, дѣйствующій въ средѣ Дикихъ и Кабановыхъ, является у Островскаго въ женскомъ типѣ, и это не лишено своего серьезнаго значенія. Извѣстно, что крайности отражаются крайностями и что самый сильный протестъ бываетъ тотъ, который поднимается наконецъ изъ груди самыхъ слабыхъ и терпѣливыхъ. Поприще, на которомъ Островскій наблюдаетъ и показываетъ намъ русскую жизнь, не касается отношеній

чисто-общественныхъ и государственныхъ, а ограничивается семействомъ; въ семействѣ же кто болѣе всего выдерживаетъ на себѣ весь гнетъ самодурства, какъ не женщина? Какой прикащикъ, работникъ, слуга Дикаго можетъ быть столько загнанъ, забитъ, отрѣшенъ, отъ своей личности, какъ его жена? У кого можетъ накопѣть столько горя и негодованія противъ нелѣпыхъ фантазій самодура? И въ то же время кто менѣе ея имѣетъ возможности высказать свой ропотъ, отказаться отъ исполненія того, что ей противно? Слуги и прикащики связаны только матеріально, людскимъ образомъ; они могутъ оставить самодура тотчасъ, какъ найдутъ себѣ другое мѣсто. Жена, по господствующимъ понятіямъ, связана съ нимъ неразрывно, духовно, посредствомъ тайнства; что бы мужъ ни дѣлалъ, она должна ему повиноваться и раздѣлять съ нимъ бессмысленную жизнь. Да если бъ наконецъ она и могла уйти, то куда она дѣнется, за что примется? Кудряшъ говоритъ: „я нуженъ Дикому, поэтому я не боюсь его и вольничать ему надъ собою не дамъ“. Легко человѣку, который пришелъ къ сознанию того, что онъ дѣйствительно нуженъ для другихъ; но женщина, жена? Къ чему нужна она? Не сама ли она, напротивъ, все беретъ отъ мужа? Мужъ ей даетъ жилище, поить, кормить, одѣваетъ, защищаетъ ее, даетъ ей положеніе въ обществѣ... Не считается ли она, обыкновенно, обремененіемъ для мужчины? Не говорятъ ли благоразумные люди, удерживая молодыхъ людей отъ женитьбы: „жена-то вѣдь не лапотъ, съ ноги не сбросишь!“ И въ общемъ мнѣніи самая главная разница жены отъ лаптя въ томъ и состоитъ, что она приноситъ съ собою цѣлую обузу заботъ, отъ которыхъ мужъ не можетъ избавиться, тогда какъ лапотъ даетъ только удобство, а если неудобенъ будетъ, то легко можетъ быть сброшенъ... Находясь въ подобномъ положеніи, женщина, разумѣется, должна позабыть, что и она такой же человѣкъ, съ такими же самыми правами, какъ и мужчина. Она можетъ только деморализоваться, и если личность въ ней сильна, то получить склонность къ тому же самодурству, отъ котораго она столько страдала. Это мы и видимъ, напримѣръ, въ Кабанихѣ, точно такъ, какъ видѣли въ Уланбековой. Ея самодурство только уже и мельче и оттого, можетъ быть, еще бессмысленнѣе мужского: размеры его меньше, но за то въ своихъ предѣлахъ, на тѣхъ, кто ужъ ему попался, оно дѣйствуетъ еще несноснѣе. Дикой ругается, Кабанова ворчитъ; тотъ прибѣдетъ, да и конечно, а эта грызетъ свою жертву долго и неотступно; тотъ шумитъ изъ-за своихъ фантазій и довольно равнодушенъ къ вашему поведенію, покамѣстъ оно до него не коснется; Кабаниха создала себѣ цѣлый мірокъ особенныхъ правилъ

и суевѣрныхъ обычаевъ, за которые стоитъ со всѣмъ тупоуміемъ самодурства. Вообще—въ женщинѣ, даже достигшей положенія независимаго и соп атоге упражняющейся въ самодурствѣ, видно всегда ея сравнительное безсиліе, слѣдствіе вѣкового ея угнетенія: она тяжеле, подозрительнѣй, бездушнѣй въ своихъ требованіяхъ; здравому разсужденію она не поддается уже не потому, что презираетъ его, а скорѣе потому, что боится съ нимъ не справиться: „начнешь, дескать, разсуждать, а еще что изъ этого выйдетъ, —оплетутъ какъ разъ“—и вслѣдствіе того она строго держится старины и различныхъ наставленій, сообщенныхъ ей какою нибудь Оеклушею...

Ясно изъ этого, что если ужъ женщина захочетъ высвободиться изъ подобнаго положенія, то ея дѣло будетъ серьезно и рѣшительно. Какому нибудь Кудряшу ничего не стоитъ поругаться съ Дикимъ: оба они нужны другъ другу, и стало быть со стороны Кудряша не нужно особеннаго героизма для представленія своихъ требованій. Зато его выходка и не поведетъ ни къ чему серьезному: поругается онъ, Дикой погрозитъ отдать его въ солдаты, да не отдастъ; Кудряшъ будетъ доволенъ тѣмъ, что отгрызся, а дѣла опять пойдутъ попрежнему. Не то съ женщиной: она должна имѣть много силы характера уже и для того, чтобы заявить свое недовольство, свои требованія. При первой же попыткѣ, ей дадутъ почувствовать, что она ничто, что ее раздавить могутъ. Она знаетъ, что это дѣйствительно такъ, и должна смириться; иначе надъ нею исполнятъ угрозу—прибьютъ, запрутъ, оставятъ на покаяніи, на хлѣбѣ и на водѣ, лишатъ свѣта дневного, испытаютъ всѣ домашнія исправительныя средства добраго стараго времени, и приведутъ-таки къ покорности. Женщина, которая хочетъ идти до конца въ своемъ возстаніи противъ угнетенія и произвола старшихъ въ русской семьѣ, должна быть исполнена героическаго самоотверженія, должна на все рѣшиться и ко всему быть готова. Какимъ же образомъ можетъ она выдержать себя? Гдѣ взять ей столько характера? На это только и можно отвѣчать тѣмъ, что естественныхъ стремленій человѣческой природы совсѣмъ уничтожить нельзя. Можно ихъ наклонять въ сторону, давить, сжимать, но все это только до извѣстной степени. Торжество ложныхъ положеній показываетъ только, до какой степени можетъ доходить упругость человѣческой натуры; но чѣмъ положеніе неестественнѣе, тѣмъ ближе и необходимѣе выходъ изъ него. И значить, ужъ оно очень неестественно, когда его не выдерживаютъ даже самыя гибкія натуры, наиболѣе подчинявшіяся вліянію силы, производившей такія положенія. Если ужъ и гибкое тѣло дитяти не поддается какому нибудь гимнастическому фокусу,

то очевидно, что онъ невозможенъ для взрослыхъ, которыхъ члены болѣе тверды. Взрослые, конечно, и не допустятъ съ собою такого фокуса; но надъ дитятею легко могутъ его попробовать. Гдѣ беретъ дитя характеръ для того, чтобы ему воспротивиться всѣми силами, хотя бы за сопротивление обѣщано было самое страшное наказаніе? Отвѣтъ одинъ: въ невозможности выдержать то, къ чему его принуждаютъ... То же самое надо сказать и о слабой женщинѣ, рѣшающейся на борьбу за свои права: дѣло дошло до того, что ей ужь невозможно дальше выдерживать свое униженіе, вотъ она и рвется изъ него, уже не по соображенію того, что лучше и что хуже, а только по инстинктивному стремленію къ тому, что выносимо и возможно. *Натура* замѣняетъ здѣсь и соображенія разсудка, и требованія чувства и воображенія; все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха, пищи, свободы. Здѣсь-то и заключается тайна цѣльности характеровъ, появляющихся въ обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы видѣли въ „Грозѣ“, въ обстановкѣ, окружающей Катерину.

Такимъ образомъ возникновеніе женскаго энергическаго характера вполне соответствуетъ тому положенію, до какого доведено самодурство въ драмѣ Островскаго. Оно дошло до крайности, до отрицанія всякаго здраваго смысла; оно болѣе, чѣмъ когда нибудь, враждебно естественнымъ требованіямъ человечества и ожесточеннѣе прежняго силится остановить ихъ развитіе, потому что въ торжествѣ ихъ видитъ приближеніе своей неминуемой гибели. Черезъ это оно еще болѣе вызываетъ ропотъ и протестъ даже въ существахъ самыхъ слабыхъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ самодурство, какъ мы видѣли, потеряло свою самоувѣренность, лишилось и твердости въ дѣйствіяхъ, утратило и значительную долю той силы, которая заключалась для него въ наведеніи страха на всѣхъ. Поэтому протестъ противъ него не заглушается уже въ самомъ началѣ, а можетъ превратиться въ упорную борьбу. Тѣ, которымъ еще сносно жить, не хотятъ теперь рисковать на подобную борьбу, въ надеждѣ, что и такъ не долго прожить самодурству. Мужъ Катерины, молодой Кабановъ, хотъ и много терпитъ отъ старой Кабанихи, но все же онъ свободнѣе: онъ можетъ и къ Савелу Прокофьичу выпить сбѣгать, онъ и въ Москву съѣздитъ отъ матери и тамъ развернется на волѣ, а коли плохо ему ужь очень придется отъ старухи, такъ есть на комъ вылить свое сердце—онъ на жену вскинется... Такъ и живетъ себѣ, и воспитываетъ свой характеръ, ни на что негодный, все въ тайной надеждѣ, что вырвется какъ нибудь на волю. Женѣ его нѣтъ никакой надежды, никакой отрады, передышаться ей нель-

зя; если можетъ, то пусть живетъ безъ дыханья, забудеть, что есть вольный воздухъ на свѣтъ, пусть отречется отъ своей природы и сольется съ капризнымъ деспотизмомъ старой Кабанихи. Но вольный воздухъ и свѣтъ, вопреки всѣмъ предосторожностямъ погибающаго самодурства, врываются въ келью Катерины, она чувствуетъ возможность удовлетворить естественной жадѣ своей души, и не можетъ долѣе оставаться неподвижною: она рвется къ новой жизни, хотя бы пришлось умереть въ этомъ порывѣ. Что ей смерть? Все равно—она не считаетъ жизнью и то прозябаніе, которое выпало ей на долю въ семьѣ Кабановыхъ.

Такова основа всѣхъ дѣйствій характера, изображеннаго въ „Грозѣ“. Основа эта надежнѣе всѣхъ возможныхъ теорій и паѳосовъ, потому что она лежитъ въ самой сущности даннаго положенія, влечетъ человѣка къ дѣлу неотразимо, не зависитъ отъ той или другой способности или впечатлѣнія въ частности, а опирается на всей сложности требованій организма, на выработкѣ всей натуры человѣка. Теперь любопытно, какъ развивается и проявляется подобный характеръ въ частныхъ случаяхъ. Мы можемъ прослѣдить его развитіе по личности Катерины.

Прежде всего васъ поражаетъ необыкновенная своеобразность этого характера. Ничего нѣтъ въ немъ внѣшняго, чужого, а все выходитъ какъ-то извнутри его; всякое впечатлѣніе перерабатывается въ немъ и затѣмъ срастается съ нимъ органически. Это мы видимъ, напримѣръ, въ простодушномъ разсказѣ Катерины о своемъ дѣтскомъ возрастѣ и о жизни въ домѣ у матери. Оказывается, что воспитаніе и молодая жизнь ничего не дали ей: въ домѣ ея матери было то же, что и у Кабановыхъ,—ходили въ церковь, шили золотомъ по бархату, слушали разсказы странницъ, обѣдали, гуляли по саду, опять бесѣдовали съ богомолками и сами молились... Выслушавъ разсказъ Катерины, Варвара, сестра ея мужа, съ удивленіемъ замѣчаетъ: „да вѣдь и у насъ то же самое“. Но разница опредѣляется Катериною очень быстро въ пяти словахъ: „да здѣсь все какъ будто изъ-подъ неволи!“ И дальнѣйшій разговоръ показываетъ, что во всей этой внѣшности, которая такъ обыденна у насъ повсюду, Катерина умѣла находить свой особенный смыслъ, примѣнять ее къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ, пока не налегла на нее тяжелая рука Кабанихи. Катерина вовсе не принадлежитъ къ буйнымъ характерамъ, никогда не довольнымъ, любящимъ разрушать, во что бы то ни стало. Напротивъ, это характеръ по преимуществу созидающій, любящій, идеальный. Вотъ почему она старается все осмыслить и облагородить въ своемъ воображеніи; то настроеніе, при которомъ, по выраженію поэта,—

Весь міръ мечтою благородной
Передъ нимъ очищенъ и омытъ; —

это настроеніе до послѣдней крайности не покидаетъ Катерину. Всякій внѣшній диссонансъ она старается согласить съ гармоніей своей души, всякій недостатокъ покрываетъ изъ полноты своихъ внутреннихъ силъ. Грубые, суетвѣрные рассказы и бессмысленныя бредни странницъ превращаются у ней въ золотые, поэтическіе сны воображенія, не устрашающіе, а ясные, добрые. Бѣдны ея образы, потому что матеріалы, представляемые ей дѣйствительностью, такъ однообразны; но и съ этими скудными средствами ея воображеніе работаетъ неутомимо и уноситъ ее въ новый міръ, тихій и свѣтлый. Не обряды занимаютъ ее въ церкви: она совсѣмъ и не слышитъ, что тамъ поютъ и читаютъ; у ней въ душѣ иная музыка, иныя видѣнія, для нея служба кончается непримѣтно, какъ будто въ одну секунду. Ее занимаютъ деревья, странно нарисованныя на образахъ, и она воображаетъ себѣ цѣлую страну садовъ, гдѣ все такія деревья, и все это цвѣтеть, благоухаетъ, все полно райскаго пѣнія. А то увидитъ она, въ солнечный день, какъ „изъ купола свѣтлый такой столбъ внизъ идетъ, и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака“, — и вотъ она уже видитъ, „будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ“. Иногда представится ей, — отчего бы и ей не летать? и когда на горѣ стоитъ, то такъ ее и тянетъ летѣть: вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки да и полетѣла. Она странная, сумасбродная съ точки зрѣнія окружающихъ; но это потому, что она никакъ не можетъ принять въ себя ихъ воззрѣнія и наклонностей. Она беретъ отъ нихъ матеріалы, потому что иначе взять ихъ не откуда; но не беретъ выводовъ, а ищетъ ихъ сама, и часто приходитъ вовсе не къ тому, на чемъ успокаиваются они. Подобное отношеніе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ мы замѣчаемъ и въ другой средѣ, въ людяхъ, по своему воспитанію привыкшихъ къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и умѣющихъ анализировать свои чувства. Вся разница въ томъ, что у Катерины, какъ личности непосредственной, живой, все дѣлается по влеченію природы, безъ отчетливаго сознанія, а у людей развитыхъ теоретически и сильныхъ умомъ—главную роль играетъ логика и анализъ. Сильные умы именно и отличаются той внутренней силой, которая даетъ имъ возможность не поддаваться готовымъ воззрѣніямъ и системамъ, а самимъ создавать свои взгляды и выводы, на основаніи живыхъ впечатлѣній. Они ничего не отвергаютъ сначала, но ни на чемъ и не останавливаются, а только все принимаютъ къ свѣдѣнію и перерабатываютъ по своему. Аналогическіе результаты представля-

еть намъ и Катерина, хотя она и не резонируетъ и даже не понимаетъ сама своихъ ощущеній, а водится прямо натурою. Въ сухой, однообразной жизни своей юности, въ грубыхъ и суевѣрныхъ понятіяхъ окружающей среды, она постоянно умѣла брать то, что соглашалось съ ея естественными стремленіями къ красотѣ, гармоніи, довольству, счастью. Въ разговорахъ странницъ, въ земныхъ поклонахъ и причитаньяхъ она видѣла не мертвую форму, а что-то другое, къ чему постоянно стремилось ея сердце. На основаніи ихъ она строила себѣ иной міръ, безъ страстей, безъ нужды, безъ горя, міръ, весь посвященный добру и наслажденію. Но въ чемъ настоящее добро и истинное наслажденіе для человѣка, она не могла опредѣлить себѣ; вотъ отчего эти внезапные порывы какихъ-то безотчетныхъ, неясныхъ стремленій, о которыхъ она вспоминаетъ: „Иной разъ, бывало, рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ, — упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила — не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно“. Бѣдная дѣвочка, не получившая широкаго теоретическаго образованія, не знающая всего, что на свѣтѣ дѣлается, не понимающая хорошенько даже своихъ собственныхъ потребностей, не можетъ, разумѣется, дать себѣ отчета въ томъ, что ей нужно. Покамѣстъ она живетъ у матери, на полной свободѣ, безъ всякой житейской заботы, пока еще не обозначились въ ней потребности и страсти взрослога человѣка, она не умѣетъ даже отличить своихъ собственныхъ мечтаній, своего внутренняго міра — отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Забываясь среди богомолковъ въ своихъ радужныхъ думахъ и гуляя въ своемъ свѣтломъ царствѣ, она все думаетъ, что ея довольство происходитъ именно отъ этихъ богомолковъ, отъ лампадокъ, зажженныхъ по всѣмъ угламъ въ домѣ, отъ причитаній, раздающихся вокругъ нея: своими чувствами она одушевляетъ мертвую обстановку, въ которой живетъ, и сливается съ ней внутренній міръ души своей. Это періодъ дѣтства, для многихъ тянущійся долго, очень долго, но все-таки имѣющій свой конецъ. Если конецъ приходитъ очень поздно, если человѣкъ начинаетъ понимать, чего ему нужно, тогда уже, когда большая часть жизни изжита, — въ такомъ случаѣ ему ничего почти не остается, кромѣ сожалѣнія о томъ, что такъ долго принималъ онъ собственные мечты за дѣйствительность. Онъ находится тогда въ печальномъ положеніи человѣка, который, надѣливъ въ своей фантазіи всѣми возможными совершенствами свою красавицу и связавъ съ нею жизнь свою, вдругъ замѣчаетъ, что всѣ совершенства существовали только въ его воображеніи, а въ ней

самой нѣтъ и слѣда ихъ. Но характеры сильные рѣдко поддаются такому рѣшительному заблужденію: въ нихъ очень сильно требованіе ясности и реальности, и оттого они не останавливаются на неопредѣленностяхъ и стараются выбраться изъ нихъ во что бы то ни стало. Замѣтивъ въ себѣ недовольство, они стараются прогнать его; но видя, что оно не проходитъ, кончаютъ тѣмъ, что даютъ полную свободу высказаться новымъ требованіямъ, возникающимъ въ душѣ, и затѣмъ уже не успокоются, пока не достигнутъ ихъ удовлетворенія. А тутъ и сама жизнь приходитъ на помощь — для однихъ благопріятно, разширеніемъ круга впечатлѣній, а для другихъ трудно и горько — стѣсненіями и заботами, разрушающими гармоническую стройность юныхъ фантазій. Послѣдній путь выпалъ на долю Катеринѣ, какъ выпадаетъ онъ на долю большей части людей въ „темномъ царствѣ“ Дикихъ и Кабановыхъ.

Въ сумрачной обстановкѣ новой семьи начала чувствовать Катерина недостаточность внѣшности, которою думала довольствоваться прежде. Подъ тяжелой рукою бездушнѣй Кабанихи нѣтъ простора ея свѣтлымъ видѣніямъ, какъ нѣтъ свободы ея чувствамъ. Въ порывѣ нѣжности къ мужу, она хочетъ обнять его — старуха кричитъ: „что на шею виснешь, безстыдница? Въ ноги кланяйся!“ Ей хочется остаться одной и погрузить тихонько, какъ бывало, а свекровь говоритъ: „отчего не воешь?“ Она ищетъ свѣта, воздуха, хочетъ помечтать и порѣзвиться, полить свои цвѣты, посмотреть на солнце, на Волгу, послать свой привѣтъ всему живому, — а ее держать въ неволѣ, въ ней постоянно подозрѣваютъ нечистые, развратные замыслы. Она ищетъ прибѣжища по прежнему въ религіозной практикѣ, въ посѣщеніи церкви, въ душевспасительныхъ разговорахъ; но и здѣсь не находитъ уже прежнихъ впечатлѣній. Убитая дневной заботой и вѣчной неволей, она уже не можетъ съ прежней ясностью мечтать объ ангелахъ, поющихъ въ пыльномъ столбѣ, освѣщенномъ солнцемъ, не можетъ вообразить себѣ райскихъ садовъ съ ихъ невозмущаемымъ видомъ и радостью. Все мрачно, страшно вокругъ нея, все вѣетъ холодомъ и какой-то неотразимой угрозой: и лики святыхъ такъ строги, и церковныя чтенія такъ грозны, и рассказы странницъ такъ чудовищны... Они все тѣ же въ сущности, они ни мало не измѣнились, но измѣнилась она сама: въ ней уже нѣтъ охоты строить воздушныя видѣнія, да ужь и не удовлетворяетъ ее то неопредѣленное воображеніе блаженства, которымъ она наслаждалась прежде. Она возмужала, въ ней проснулись другія желанія, болѣе реальныя; не зная иного поприща, кромѣ семьи, иного міра, кромѣ того, какой сложился для нея въ обществѣ ея городка, она, разумѣется, и начинаетъ созна-

вать изъ всѣхъ человѣческихъ стремленій то, которое всего неизбежнѣе и всего ближе къ ней — стремленіе любви и преданности. Въ прежнее время ея сердце было слишкомъ полно мечтами, она не обращала вниманія на молодыхъ людей, которые на нее заглядывались, а только смѣялась. Выходя замужъ за Тихона Кабанова, она и его не любила, она еще и не понимала этого чувства; сказали ей, что всякой дѣвушкѣ надо замужъ выходить, показали Тихона, какъ будущаго мужа, она и пошла за него, оставаясь совершенно индифферентною къ этому шагу. Здѣсь тоже проявляется особенность характера: по обычнымъ нашимъ понятіямъ, ей бы слѣдовало противиться, если у ней рѣшительный характеръ; но она и не думаетъ о сопротивленіи, потому что не имѣетъ достаточно оснований для этого. Ей нѣтъ особенной охоты выходить замужъ, но нѣтъ и отвращенія отъ замужества; нѣтъ въ ней любви къ Тихону, но нѣтъ любви и ни къ кому другому. Ей все равно покамѣсть, вотъ почему она и позволяетъ дѣлать съ собою, что угодно. Въ этомъ нельзя видѣть ни безсилія, ни апатіи, а можно находить только недостатокъ опытности, да еще слишкомъ большую готовность дѣлать все для другихъ, мало заботясь о себѣ. У ней мало знанія и много довѣрчивости, вотъ отчего до времени она не выказываетъ противодѣйствія окружающимъ и рѣшается лучше терпѣть, нежели дѣлать на зло имъ. Но когда она пойметъ, что ей нужно, и захочетъ чего нибудь достигнуть, то добьется своего, во что бы то ни стало: тутъ-то и проявится вполнѣ сила ея характера, не растроченная въ мелочныхъ выходкахъ. Сначала, по врожденной добротѣ и благородству души своей, она будетъ дѣлать всѣ возможные усилія, чтобы не нарушить мира и правъ другихъ, чтобы получить желаемое съ возможно большимъ соблюденіемъ всѣхъ требованій, какія на нее налагаются людьми, чѣмъ нибудь связанными съ ней; и если они съумѣютъ воспользоваться этимъ первоначальнымъ настроеніемъ и рѣшатся дать ей полное удовлетвореніе, — хорошо тогда и ей, и имъ. Но если нѣтъ — она ни передъ чѣмъ не остановится — законъ, родство, обычай, людской судъ, правила благоразумія — все исчезаетъ для нея предъ силою внутренняго влеченія; она не щадитъ себя и не думаетъ о другихъ. Такой именно выходъ представился Катеринѣ, и другого нельзя было ожидать среди той обстановки, въ которой она находится.

Чувство любви къ человѣку, желаніе найти родственныи отзвѣвъ въ другомъ сердцѣ, потребность нѣжныхъ наслажденій естественнымъ образомъ открылась въ молодой женщинѣ и измѣнила ея прежнія неопредѣленные и бесплодные мечты. „Ночью, Варя, не спится мнѣ, рассказыва-

еть она, — все мерещится шопоть какой-то: кто то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубь воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья, да горы; а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо, горячо, или ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду...“ Она со- знала и уловила эти мечты уже довольно поздно; но, разу- мѣется, онѣ преслѣдовали и томили ее задолго прежде, чѣмъ она сама могла дать себѣ отчетъ въ нихъ. При пер- вомъ ихъ появленіи, она тотчасъ же обратила свое чувст- во на то, что всего ближе къ ней было, — на мужа. Она долго усиливалась сроднить съ нимъ свою душу, увѣрить себя, что съ нимъ ей ничего не нужно, что въ немъ-то и есть блаженство, котораго она такъ тревожно ищетъ. Она со страхомъ и недоумѣніемъ смотрѣла на возможность искать вза- имной любви въ комъ нибудь, кромѣ его. Въ пьесѣ, которая застаеть, Катерину уже съ началомъ любви къ Борису Гри- горьичу, все еще видны послѣднія, отчаянныя усилія Кате- рины — сдѣлать себѣ милымъ своего мужа. Сцена ея прощанія съ нимъ даетъ намъ чувствовать, что и тутъ еще не по- теряно для Тихона, что онъ еще можетъ сохранить права свои на любовь этой женщины; но эта же сцена въ корот- кихъ, но рѣзкихъ очеркахъ передаетъ намъ цѣлую исто- рію истязаній, которыя заставили вытерпѣть Катерину, что- бы оттолкнуть ея первое чувство отъ мужа. Тихонъ яв- ляется здѣсь простодушнымъ и пошловатымъ, совсѣмъ не злымъ, но до крайности безхарактернымъ существомъ, не смѣющимъ ничего сдѣлать вопреки матери. А мать суще- ство бездушное, кулакъ-баба, заключающая въ китайскихъ церемоніяхъ—и любовь, и религію, и нравственность. Меж- ду нею и между своей женой Тихонъ представляетъ одинъ изъ множества тѣхъ жалкихъ типовъ, которые обыкнове- но называются безвредными, хотя они въ общемъ-то смы- слѣ столь же вредны, какъ и сами самодуры, потому что служатъ ихъ вѣрными помощниками. Тихонъ самъ по себѣ любитъ жену и готовъ бы все для нея сдѣлать; но гнетъ, подъ которымъ онъ выросъ, такъ его изуродовалъ, что въ немъ никакого сильнаго чувства, никакого рѣшитель- наго стремленія развиться не можетъ. Въ немъ есть совѣсть, есть желаніе добра, но онъ постоянно дѣйствуетъ противъ себя и служитъ покорнымъ орудіемъ матери, даже въ от- ношеніяхъ своихъ къ женѣ. Еще въ первой сценѣ появле- нія семейства Кабановыхъ на бульварѣ мы видимъ, каково положеніе Катерины между мужемъ и свекровью. Кабаниха ругаетъ сына, что жена его не боится; онъ рѣшается воз- разить: „да зачѣмъ же ей бояться? Съ меня и того доволь- но, что она меня любитъ“. Старуха тотчасъ же скидывается на него: „какъ, зачѣмъ бояться? Какъ, зачѣмъ бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станеть бояться, меня и

подавно; какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ! Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али, по вашему, законъ ничего не значитъ? Подъ такими началами, разумѣется, чувство любви въ Катеринѣ не находитъ простора и прячется внутрь ея, сказываясь только по временамъ судорожными порывами. Но и этими порывами мужъ не умѣетъ пользоваться: онъ слишкомъ забить, чтобы понять силу ея страстнаго томленія. „Не разберу я тебя, Катя, говоритъ онъ ей:—то отъ тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то такъ сама лѣзешь“. Такъ обыкновенно дюжинныя и испорченныя натуры судятъ о натурѣ сильной и свѣжей: они, судя по себѣ, не понимаютъ чувства, которое схоронилось въ глубинѣ души, и всякую сосредоточенность принимаютъ за апатію; когда же наконецъ, не будучи въ состояніи скрываться долѣе, внутренняя сила хлынетъ изъ души широкимъ и быстрымъ потокомъ,—они удивляются и считаютъ это какимъ-то фокусомъ, причудою, въ родѣ того, какъ имъ самимъ приходитъ иногда фантазія впасть въ паѳосъ или кутнуть. А между тѣмъ эти порывы составляютъ необходимость въ натурѣ сильной и бываютъ тѣмъ разительнѣе, чѣмъ они дольше не находятъ себѣ выхода. Они неумышлены, не соображены, а вызваны естественной необходимостью. Сила природы, которой нѣтъ возможности развиваться дѣятельно, выражается и пассивно—терпѣніемъ, сдержанностью. Но только не смѣшивайте *этого* терпѣнія съ тѣмъ, которое происходитъ отъ слабаго развитія личности въ человѣкѣ и которое кончаетъ тѣмъ, что привыкаетъ къ оскорбленіямъ и тягостямъ всякаго рода. Нѣтъ, Катерина не привыкнетъ къ нимъ никогда; она еще не знаетъ, на что и какъ она рѣшится, она ничѣмъ не нарушаетъ своихъ обязанностей къ свекрови, дѣлаетъ все возможное, чтобы хорошо уладиться съ мужемъ, но по всему видно, что она чувствуетъ свое положеніе и что ее тянетъ вырваться изъ него. Никогда она не жалуется, не бранитъ свекрови; сама старуха не можетъ на нее взнести этого; и однако же свекровь чувствуетъ, что Катерина составляетъ для нее что-то неподходящее враждебное. Тихонъ, который какъ огня боится матери и при томъ не отличается особенною деликатностью и нѣжностью, совѣстится однако передъ женою, когда по повелѣнію матери долженъ ей наказывать, чтобы она безъ него „въ окна глазъ не пялила“ и „на молодыхъ парней не заглядывалась“. Онъ видитъ, что горько оскорбляетъ ее такими рѣчами, хотя хорошенько и не можетъ понять ея состоянія. По выходѣ матери изъ комнаты, онъ утѣшаетъ жену такимъ образомъ: „все къ сердцу-то принимать, такъ въ чухотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей вѣдь чтонибудь надожь говорить. Ну, и пушай она говорить, а ты мимо ушей пропускай!“ Вотъ этотъ индиф-

ферентизмъ точно плохъ и безнадеженъ; но Катерина никогда не можетъ дойти до него; хотя по наружности она даже меньше огорчается, нежели Тихонъ, меньше жалуется, но въ сущности она страдаетъ гораздо больше. Тихонъ тоже чувствуетъ, что онъ не имѣетъ чего-то нужнаго; въ немъ тоже есть недовольство; но оно находится въ немъ на такой степени, на какой, на примѣръ, можетъ быть влеченіе къ женщинѣ у десятилѣтняго мальчика съ развращеннымъ воображеніемъ. Онъ не можетъ очень рѣшительно добиваться независимости и своихъ правъ—уже и потому, что онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать; желаніе его больше головное, внѣшнее, а собственно натура его, поддавшись гнету воспитанія, такъ и осталась почти глухою къ естественнымъ стремленіямъ. Поэтому самое исканіе свободы въ немъ получаетъ характеръ уродливый и дѣлается противнымъ, какъ противенъ цинизмъ десятилѣтняго мальчика, безъ смысла и внутренней потребности повторяющаго гадости, слышанныя отъ большихъ. Тихонъ, видите, слышанъ отъ кого-то, что онъ „тоже мужчина“ и потому долженъ въ семьѣ имѣть извѣстную долю власти и значенія; поэтому онъ себя ставитъ гораздо выше жены и, полагая, что ей ужь такъ и Богъ судилъ терпѣть и смиряться,—на свое положеніе подъ началомъ у матери смотритъ, какъ на горькое и унижительное. Затѣмъ онъ наклоненъ къ разгулу, и въ немъ-то главнымъ образомъ и ставитъ свободу: точно какъ тотъ же мальчикъ, не умѣющій постигнуть настоящей сути, отчего такъ сладка женская любовь, и знающій только внѣшнюю сторону дѣла, которая у него и превращается въ сальности! Тихонъ, собираясь уѣзжать, съ безстыднѣйшимъ цинизмомъ говоритъ женѣ, упрашивающей его взять ее съ собою: „съ такою-то неволи отъ какой хочешь красавицы жены убѣжишь! Ты подумай то: *какой ни на есть, а я все-таки мужчина*,— всю жизнь вотъ такъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ я знаю теперича, что недѣли двѣ никакой грозы на меня не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ такъ до жены ли мнѣ?“ Катерина только и можетъ отвѣтить ему на это: „какъ же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь?“ Но Тихонъ не понимаетъ всей важности этого мрачнаго и рѣшительнаго упрека; какъ человекъ, уже махнувшій рукою на свой рассудокъ, онъ отвѣчаетъ небрежно: „слова—какъ слова! Какія же мнѣ еще слова говорить!“—и торопится отдѣлаться отъ жены. А зачѣмъ? Что онъ хочетъ дѣлать, на чемъ отвести душу, вырвавшись на волю? Онъ объ этомъ самъ рассказываетъ потомъ Кулигину: „на дорогу-то маменька читала-читала мнѣ наставленія-то, а я какъ выѣхалъ, такъ загулялъ. *Ужь очень радъ, что на волю-то вырвался*. И всю

дорогу пилъ, и въ Москвѣ все пилъ; такъ это кучу, что на-поди! *Такъ, чтобы ужь на цѣлый годъ отгуляться!..*“ Вотъ и все! И надо сказать, что въ прежнее время, когда еще сознание личности и ея правъ не поднялось въ большинствѣ, почти только подобными выходками и ограничивались протесты противъ самодурнаго гнета. Да и нынче еще можно встрѣтить множество Тихоновъ, упивающихся если не виномъ, то какими нибудь разсужденіями и спичами и отводящихъ душу въ шумѣ словесныхъ оргій. Это именно люди, которые постоянно жалуются на свое стѣсненное положеніе, а между тѣмъ заражены гордою мыслью о своихъ привилегіяхъ и о своемъ превосходствѣ надъ другими: „какой ни на есть, а все-таки я мужчина,—такъ каково мнѣ терпѣть-то“. То есть: „ты терпи, потому что ты баба и стало быть дрянъ, а мнѣ надо волю,“—не потому, чтобъ это было человѣческое, естественное требованіе, а потому, что таковы права моей привилегированной особы... Ясно, что изъ подобныхъ людей и замашекъ никогда и не могло, и не можетъ ничего выйти.

Но не похоже на нихъ новое движеніе народной жизни, о которомъ мы говорили выше и отраженіе котораго нашли въ характерѣ Катерины. Въ этой личности мы видимъ уже возмужалое, изъ глубины всего организма возникающее требованіе права и простора жизни. Здѣсь уже не воображеніе, не наслышка, не искусственно возбужденный порывъ являются намъ, а жизненная необходимость натуры. Катерина не капризничаетъ, не кокетничаетъ своимъ недовольствомъ и гнѣвомъ,—это не въ ея натурѣ; она не хочетъ импонировать на другихъ, выставиться и похвалиться. Напротивъ, живетъ она очень мирно и готова всему подчиниться, что только не противно ея натурѣ; принципъ ея, еслибъ она могла сознать и опредѣлить его, былъ бы тотъ, чтобы какъ можно менѣе своей личностью стѣснять другихъ и тревожить общее теченіе дѣлъ. Но за то, признавая и уважая стремленія другихъ, она требуетъ того же уваженія и къ себѣ, и всякое насиліе, всякое стѣсненіе возмущаетъ ее кровно, глубоко. Еслибъ она могла, она бы прогнала далеко отъ себя все, что живетъ неправо и вредитъ другимъ; но не будучи въ состояніи сдѣлать этого, она идетъ обратнымъ путемъ—сама бѣжитъ отъ губителей и обидчиковъ. Только бы не подчиниться ихъ началамъ, вопреки своей натурѣ, только бы не помириться съ ихъ неестественными требованіями, а тамъ что выйдетъ—лучшая ли доля для нея или гибель,—на это она ужь не смотритъ: въ томъ и другомъ случаѣ для нея избавленіе... О своемъ характерѣ Катерина сообщаетъ Варѣ одну черту еще изъ воспоминаній дѣтства: „такая ужь я зародилась горячая! Я еще лѣтъ шести была, не больше,—такъ что сдѣлала! Оби-

дѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужь темно—я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужь нашли, версть за десять...” Эта дѣтская горячность сохранилась въ Катеринѣ; только вмѣстѣ съ общей возмужалостью, прибавилась въ ней и сила зыдерживать впечатлѣнія и господствовать надъ ними. Взрослая Катерина, поставленная въ необходимость терпѣть обиды, находить въ себѣ силу долго переносить ихъ, безъ напрасныхъ жалобъ, полусопротивленій и всякихъ шумныхъ выходокъ. Она терпитъ до тѣхъ поръ, пока не заговоритъ въ ней какой нибудь интересъ, особенно близкій ея сердцу и законный въ ея глазахъ, пока не оскорблено въ ней будетъ такое требованіе ея натуры, безъ удовлетворенія котораго она не можетъ оставаться спокойною. Тогда она ужь ни на что не посмотритъ. Она не будетъ прибѣгать къ дипломатическимъ уловкамъ, къ обманамъ и плутнямъ,—не такова она. Если ужь нужно непременно обманывать, такъ она лучше постарается перемочь себя. Варя совѣтуетъ Катеринѣ скрывать свою любовь къ Борису; она говоритъ: „обманывать-то я не умѣю, скрыть-то ничего не могу“, и вслѣдъ за тѣмъ дѣлаетъ усиліе надъ своимъ сердцемъ, и опять обращается къ Варѣ съ такой рѣчью: „не говори мнѣ про него, сдѣлай милость не говори! Я его и знать не хочу! *Я буду мужа любить. Тиша, голубчикъ мой, ни на кого тебя не промѣняю!*“ Но усиліе уже выше ея возможности; черезъ минуту она чувствуетъ, что ей не отдѣлаться отъ возникшей любви; „развѣ я хочу о немъ думать, говоритъ она:—да что дѣлать, коли изъ головы нейдетъ?“ Въ этихъ простыхъ словахъ очень ясно выражается, какъ сила естественныхъ стремленій, непримѣтно для самой Катерины, одерживаетъ въ ней, побѣду надъ всѣми внѣшними требованіями, предразсудками и искусственными комбинаціями, въ которыхъ запутана жизнь ея. Замѣтимъ, что теоретическимъ образомъ Катерина не могла отвергнуть ни одной изъ этихъ комбинацій, не могла освободиться ни отъ какихъ отсталыхъ мнѣній; она пошла противъ всѣхъ нихъ, вооруженная единственно силою своего чувства, инстинктивнымъ сознаниемъ своего прямого, неотъемлемаго права на жизнь, счастье и любовь... Она ни мало не резонируетъ, но съ удивительною легкостью разрѣшаетъ всѣ трудности своего положенія. Вотъ ея разговоръ съ Варварой:

„В а р в а р а. Ты какая-то мудреная, Богъ съ тобой! А по моему —дѣлай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

„К а т е р и н а. Не хочу я такъ, да и что хорошаго! *Ужъ я лучше буду терпѣть, пока терпится.*

„В а р в а р а. А не стерпится, что жь ты сдѣлаешь?

„К а т е р и н а. Что я сдѣлаю?

„В а р в а р а. Да, что сдѣлаешь?

„К а т е р и н а. *Что мнѣ только захочется, то и сдѣлаю.*

„В а р в а р а. Сдѣлай, попробуй, такъ тебя здѣсь заѣдятъ.

„К а т е р и н а. А что мнѣ! Я уйду, да и была такова.

„В а р в а р а. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

„К а т е р и н а. Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характеру! *Конечно, не дай Богъ этому случиться, а ужь коли очень мнѣ здѣсь опостынетъ, такъ не удержутъ меня никакой силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, жоть ты меня рѣжь.*“

Вотъ истинная сила характера, на которую во всякомъ случаѣ можно положиться! Вотъ высота, до которой доходитъ наша народная жизнь въ своемъ развитіи, но до которой въ литературѣ нашей умѣли подниматься весьма немногіе, и никто не умѣлъ на ней такъ хорошо держаться, какъ Островскій. Онъ почувствовалъ, что не отвлеченныя вѣрованія, а жизненные факты управляютъ человекомъ, что не образъ мыслей, не принципы, а натура нужна для образованія и проявленія крѣпкаго характера, и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое служить представителемъ великой народной идеи, не нося великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неровной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на высокое самоотверженіе. Ея поступки находятся въ гармоніи съ ея натурой, они для нея естественны, необходимы, она не можетъ отъ нихъ отказаться, хотя бы это имѣло самыя гибельныя послѣдствія. Претендованные въ другихъ твореніяхъ нашей литературы сильные характеры похожи на фонтанчики, бьющіе довольно красиво и бойко, но зависящіе въ своихъ проявленіяхъ отъ посторонняго механизма, подведеннаго къ нимъ; Катерина, напротивъ, можетъ быть уподоблена большой, многоводной рѣкѣ: она течетъ, какъ требуетъ ея природное свойство; характеръ ея теченія измѣняется сообразно съ мѣстностью, черезъ которую она проходитъ, но теченіе не останавливается; ровное дно, хорошее—она течетъ спокойно, камни большіе встрѣтились—она черезъ нихъ перескакиваетъ, обрывъ—льется каскадомъ, запружаютъ ее—она бушуетъ и прорывается въ другомъ мѣстѣ. Не потому бурлитъ она, чтобы водѣ вдругъ захотѣлось пошумѣть или разсердиться на препятствія, а просто потому, что это ей необходимо для выполненія ея естественныхъ требованій,—для дальнѣйшаго теченія. Такъ и въ томъ характерѣ, который воспроизведенъ намъ Островскимъ: мы знаемъ, что онъ выдержитъ себя, несмотря ни на какія препятствія; а когда силъ не хватитъ, то погибнетъ, но не измѣнитъ себѣ. Высокіе ора-

торы правды, претендующіе на „отреченіе отъ себя для великой идеи“, весьма часто оканчиваютъ тѣмъ, что отступаютъ отъ своего служенія, говоря, что борьба со зломъ еще слишкомъ безнадежна, что она повела бы только къ напрасной гибели, и пр. Они справедливы, и нельзя ихъ упрекать въ малодушіи; но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ этомъ, что „идея“, которой они хотятъ служить, составляетъ для нихъ что-то внѣшнее, безъ чего они могутъ обойтись, что они умѣютъ очень хорошо отдѣлать отъ своихъ личныхъ, прямыхъ обязанностей. Ясно, что какъ бы ни былъ великъ ихъ азартъ въ пользу идеи, онъ всегда будетъ гораздо слабѣе и ниже того простого, инстинктивнаго, не отразимаго влеченія, которое управляетъ поступками личностей въ родѣ Катерины, даже и не думающихъ ни о какихъ высокихъ „идеяхъ“.

Въ положеніи Катерины мы видимъ, что, напротивъ, всѣ „идеи“, внушенныя ей съ дѣтства, всѣ принципы окружающей среды—возстаютъ *противъ* ея естественныхъ стремленій и поступковъ. Страшная борьба, на которую осуждена молодая женщина, совершается въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи драмы, и вотъ гдѣ оказывается вся важность вводныхъ лицъ, за которыхъ, такъ упрекаютъ Островскаго. Всмотритесь хорошенько: вы видите, что Катерина воспитана въ понятіяхъ, одинаковыхъ съ понятіями среды, въ которой живетъ, и не можетъ отъ нихъ отрѣшиться, не имѣя никакого теоретическаго образованія. Разказы странницъ и внушенія домашнихъ хоть и перерабатывались ею по своему, но не могли не оставить безобразнаго слѣда въ ея душѣ: и дѣйствительно, мы видимъ въ пьесѣ, что Катерина, потерявъ свои радужныя мечты и идеальныя, выпрєннія стремленія, сохранила отъ своего воспитанія одно сильное чувство — *страхъ* какихъ-то темныхъ силъ, чего-то невѣдомаго, чего она не могла ни объяснить себѣ хорошенько, ни отвергнуть. За каждую мысль свою она боится, за самое простое чувство она ждетъ себѣ кары; ей кажется, что гроза ее убьетъ, потому что она грѣшница; картина геенны огненной на стѣнѣ церковной представляется ей уже предвѣстіемъ ея вѣчной муки... А все окружающее поддерживаетъ и развиваетъ въ ней этотъ страхъ: Оеклуши ходятъ къ Кабанихѣ толковать о послѣднихъ временахъ; Дикой твердитъ, что гроза въ наказаніе намъ посылается, чтобъ мы чувствовали; пришедшая барыня, наводящая страхъ на всѣхъ въ городѣ, показывается нѣсколько разъ съ тѣмъ, чтобы зловѣщимъ голосомъ прокричать надъ Катериною: „всѣ въ огнѣ горѣть будете въ неугасимомъ“. Всѣ окружающія полны суевѣрнаго страха, и всѣ окружающіе, согласно съ понятіями и самой Катерины, должны смотрѣть

на ея чувство къ Борису, какъ на величайшее преступленіе. Даже удалой Кудряшъ, *esprit fort* этой среды, и тотъ находитъ, что дѣвкамъ можно гулять съ парнями, сколько хочешь,—это ничего, а бабамъ надо ужь заперти сидѣть. Это убѣжденіе такъ въ немъ сильно, что, узнавъ о любви Бориса къ Катеринѣ, онъ, несмотря на свое удалство и нѣкотораго рода безчинство, говоритъ, что „это дѣло бросить надо“. Все противъ Катерины, даже и ея собственныя понятія о добрѣ и злѣ; все должно заставить ее — заглушить свои порывы и завянуть въ холодномъ и мрачномъ формализмѣ семейной безгласности и покорности, безъ всякихъ живыхъ стремленій, безъ воли, безъ любви, — или же научиться обманывать людей и совѣсть. Но не бойтесь за нее, не бойтесь даже тогда, когда она сама говоритъ противъ себя: она можетъ на время или покориться повидимому, или даже пойти на обманъ, какъ рѣчка можетъ скрыться подъ землею или удалиться отъ своего русла; но текущая вода не остановится и не пойдетъ назадъ, а все-таки дойдетъ до своего конца, до того мѣста, гдѣ можетъ она слиться съ другими водами и вмѣстѣ бѣжать къ водамъ океана. Обстановка, въ которой живетъ Катерина, требуетъ, чтобы она лгала и обманывала: „безъ этого нельзя, говоритъ ей Варвара, — ты вспомни, гдѣ ты живешь; у насъ на этомъ весь домъ держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало“. Катерина поддается своему положенію, выходитъ къ Борису ночью, прячетъ отъ свекрови свои чувства въ теченіе десяти дней... Можно подумать: вотъ и еще женщина сбилась съ пути, выучилась обманывать домашнихъ и будетъ развратничать втихомолку, притворно лаская мужа и нося отвратительную маску смиренницы! Нельзя было бы строго винить ее и за это: положеніе ея такъ тяжело! Но тогда она была бы однимъ изъ дюжинныхъ лицъ того типа, который такъ уже изношенъ въ повѣстяхъ, показывавшихъ, какъ „среда заѣдаетъ хорошихъ людей“. Катерина не такова: развязка ея любви при всей домашней обстановкѣ — видна заранѣе, еще тогда, какъ она только подходитъ къ дѣлу. Она не занимается психологическимъ анализомъ, и потому не можетъ высказывать тонкихъ наблюденій надъ собою; что она о себѣ говоритъ, такъ ужь это, значитъ, сильно даетъ ей знать себя. А она, при первомъ предложеніи Варвары о свиданіи ея съ Борисомъ, вскрикиваетъ: „нѣтъ, нѣтъ, не надо! что ты, сохрани Господи: *если я съ нимъ хоть разъ увижусь, я уйду изъ дому, я ужь не пойду домой ни за что на свѣтъ!*“ Это въ ней не разумная предосторожность говоритъ, это—страсть; и ужь видно, что какъ она себя ни сдерживала, а страсть выше ея, выше всѣхъ ея предразсудковъ и страховъ, выше всѣхъ внуше-

ній, слышанныхъ ею съ дѣтства. Въ этой страсти заключается для нея вся жизнь; вся сила ея природы, всѣ ея живыя стремленія сливаются здѣсь. Къ Борису влечетъ ее не одно то, что онъ ей нравится, что онъ и съ виду и по рѣчамъ не похожъ на остальныхъ, окружающихъ ее; къ нему влечетъ ее и потребность любви, не нашедшая себѣ отзыва въ мужѣ, и оскорбленное чувство жены, и женщины, и смертельная тоска ея однообразной жизни, и желаніе воли, простора, горячѣй, беззапретной свободы. Она все мечтаетъ, какъ бы ей „полетѣть невидимо, куда бы захотѣла“; а то такая мысль приходитъ: „кабы моя воля, каталась бы я теперь на Волгѣ, на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись...“ „Только не съ мужемъ“, подсказываетъ ей Варя, и Катерина не можетъ скрыть своего чувства и сразу ей открывается, вопросомъ: „а ты почему знаешь?“ Видно, что замѣчаніе Варвары для нея самой объяснило многое: рассказывая такъ наивно свои мечты, она еще не понимала хорошенько ихъ значенія. Но одного слова достаточно, чтобы сообщить ея мыслямъ ту опредѣленность, которую она сама боялась имъ дать. До сихъ поръ она еще могла сомнѣваться, точно ли въ этомъ новомъ чувствѣ то блаженство, котораго она такъ томительно ищетъ. Но разъ произнесши слово тайны, она уже и въ мысляхъ своихъ отъ нея не отступится. Страхъ сомнѣнія, мысль о грѣхѣ и о людскомъ судѣ, — все это приходитъ ей въ голову, но уже не имѣетъ надъ нею силы; это уже такъ, формальности, для очистки совѣсти. Въ монологѣ съ ключемъ (послѣднемъ во второмъ актѣ) мы видимъ женщину, въ душѣ которой опасный шагъ уже сдѣланъ, но которая хочетъ только какъ нибудь „заговорить“ себя. Она дѣлаетъ попытку стать нѣсколько въ сторону отъ себя и судить поступокъ, на который она рѣшилась, какъ дѣло постороннее; но мысли ея всѣ направлены къ оправданію этого поступка. „Вотъ, говоритъ, долго ли погибнуть-то... Въ неволѣ-то кому весело... Вотъ хоть я теперь — живу, маюсь, просвѣту себѣ не вижу... свекровь сокрушила меня...“ и т. д. — все оправдательныя статьи. А потомъ еще облегчительныя соображенія: „Видно ужъ судьба такъ хочетъ... Да какой же и грѣхъ въ этомъ, если я на него взгляну разъ... Да хоть и поговорю-то, такъ все не бѣда. А можетъ такого случая-то еще во всю жизнь не выйдеть...“ Этотъ монологъ возбудилъ въ нѣкоторыхъ критикахъ охоту иронизировать надъ Катериною, какъ надъ безстыжею ипокриткою; но мы не знаемъ большаго безстыдства, какъ увѣрять, будто бы мы или кто нибудь изъ нашихъ идеальныхъ друзей — не причастны такимъ сдѣлкамъ съ совѣстью... Въ этихъ сдѣлкахъ не личности виноваты, а тѣ понятія, которыя имъ вбиты въ голову съ малолѣтства и которыя такъ часто противны бываютъ естественному

ходу живыхъ стремленій души. Пока эти понятія не выгнаны изъ общества, пока полная гармонія идей и потребностей природы не возстановлена въ человѣческомъ существѣ, до тѣхъ поръ подобныя сдѣлки неизбежны. Хорошо еще и то, если, дѣлая ихъ, приходятъ къ тому, что представляется натурою и здравымъ смысломъ, и не падаютъ подъ гнетомъ условныхъ наставленій искусственной морали. Именно на это и стало силы у Катерины, и чѣмъ сильнѣе говоритъ въ ней натура, тѣмъ спокойнѣе смотритъ она въ лицо дѣтскимъ бреднямъ, которыхъ бояться приучили ее окружающіе. Поэтому намъ кажется даже, что артистка, исполняющая роль Катерины на петербургской сценѣ, дѣлаетъ маленькую ошибку, придавая монологу, о которомъ мы говоримъ, слишкомъ много жара и трагичности. Она очевидно хочетъ выразить борьбу, совершающуюся въ душѣ Катерины, и съ этой точки зрѣнія она передаетъ трудный монологъ превосходно. Но намъ кажется, что сообразнѣе съ характеромъ и положеніемъ Катерины въ этомъ случаѣ — придавать ея словамъ больше спокойствія и легкости. Борьба собственно уже кончена, остается лишь небольшое раздумье, старая ветошь покрываетъ еще Катерину, и она мало по малу сбрасываетъ ее съ себя... Окончаніе монолога выдаетъ ее сердце: „Будь, что будетъ, а я Бориса увижу“, заключаетъ она, и въ забытій предчувствія восклицаетъ: „Ахъ, кабы ночь поскорѣй!“

Такая любовь, такое чувство не уживется въ стѣнахъ кабановскаго дома, съ притворствомъ и обманомъ. Катерина хоть и рѣшилась на тайное свиданіе, но въ первый же разъ, въ восторгѣ любви говоритъ Борису, увѣряющему, что никто ничего не узнаетъ: „Э, что меня жалѣть, никто не виноватъ, — сама на то пошла. Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что я дѣлаю... Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людскаго суда?“

И точно, она ничего не боится, кромѣ лишенія возможности видѣть ея избраннаго, говорить съ нимъ, наслаждаться съ нимъ этими лѣтними ночами, этими новыми для нея чувствами. Приѣхалъ мужъ, и жизнь ей стала не въ жизнь. Надо было таиться, хитрить; она этого не хотѣла и не умѣла; надо было опять воротиться къ своей черствой, тоскливой жизни, — это ей показалось горьче прежняго. Да еще надо было бояться каждую минуту за себя, за каждое свое слово, особенно передъ свекровью; надо было бояться еще и страшной кары для души... Такое положеніе невыносимо было для Катерины: дни и ночи она все думала, страдала, экзальтировала свое воображеніе, и безъ того горячее, и конецъ былъ тотъ, что она не могла вытерпѣть — при всемъ народѣ, столпившемся въ галлерей ста-

ринной церкви, покаялась во всемъ мужу. Первое движеніе его было страхъ, что скажетъ мать. „Не надо *не говори, матушка* здѣсь“, шепчетъ онъ растерявшись. Но мать уже прислушалась и требуетъ полной исповѣди, въ заключеніе которой выводитъ свою мораль: „что, сынокъ, *куда воля-то ведетъ?*“

Трудно, конечно, болѣе насмѣяться надъ здравымъ смысломъ, чѣмъ какъ дѣлаетъ это Кабаниха въ своемъ восклицаніи. Но въ „темномъ царствѣ“ здравый смыслъ ничего не значитъ: съ „преступницею“ приняли мѣры, совершенно ему противныя, но обычныя въ томъ быту: мужъ, по повелѣнію матери, побилъ маленько свою жену, свекровь заперла ее на замокъ и начала ѣсть поѣдомъ... Кончены воля и покой бѣдной женщины: прежде хотъ ее попрекнуть не могли, хотъ могла она чувствовать свою полную правоту передъ этими людьми. А теперъ вѣдь, такъ или иначе, она передъ ними виновата, она нарушила свои обязанности къ нимъ, принесла горе и позоръ въ семью; теперъ самое жестокое обращеніе съ ней имѣетъ уже поводы и оправданіе. Что остается ей? Пожалѣть о неудачной попыткѣ вырваться на волю и оставить свои мечты о любви и счастья, какъ уже покинула она радужныя грезы о чудныхъ садахъ съ райскимъ пѣніемъ. Остается ей покориться, отречься отъ самостоятельной жизни и сдѣлаться безпрекословной угодницей свекрови, кроткою рабою своего мужа, и никогда уже не дерзать на какія нибудь попытки опять обнаружить свои требованія... Но нѣтъ, не таковъ характеръ Катерины; не затѣмъ отразился въ ней новый типъ, создаваемый русской жизнью, — чтобы сказаться только бесплодной попыткой и погибнуть послѣ первой неудачи. Нѣтъ, она уже не возвратится къ прежней жизни: если ей нельзя наслаждаться своимъ чувствомъ, своей волей вполне законно и свято, при свѣтѣ бѣлаго дня, передъ всѣмъ народомъ, если у нея вырываютъ то, что нашла она и что ей такъ дорого, она ничего тогда не хочетъ въ жизни, она и жизни не хочетъ. Пятый актъ „Грозы“ составляетъ апофеозу этого характера, столь простаго, глубокаго и такъ близкаго къ положенію и къ сердцу каждаго порядочнаго человѣка въ нашемъ обществѣ. Никакихъ ходуль не подставилъ художникъ своей героинѣ, онъ не далъ ей даже героизма, а оставилъ ее той же простой, наивной женщиной, какой она являлась передъ нами и до „грѣха“ своего. Въ пятомъ актѣ у ней всего два монолога, да разговоръ съ Борисомъ; но они полны въ своей сжатости такой силы, такихъ многозначительныхъ откровеній, что, принявшись за нихъ, мы боимся закомментировать еще на цѣлую статью. Постараемся ограничиться нѣсколькими словами.

Въ монологахъ Катерины видно, что у ней и теперь нѣтъ ничего формулированнаго; она до конца водится своей натурой, а не заданными рѣшеніями, потому что для рѣшеній ей бы надо было имѣть логическія, твердыя основанія, а между тѣмъ всѣ начала, которыя ей даны для теоретическихъ разсужденій, рѣшительно противны ея натуральнымъ влеченіямъ. Оттого она не только не принимаетъ геройскихъ позъ и не произноситъ изреченій, доказывающихъ твердость характера, а даже напротивъ—является въ видѣ слабой женщины, не умѣющей противиться своимъ влеченіямъ, и старается *оправдывать* тотъ героизмъ, какой проявляется въ ея поступкахъ. Она рѣшилась умереть, но ея страшитъ мысль, что это грѣхъ, и она какъ бы старается доказать намъ и себѣ, что ее можно простить, такъ какъ ей ужь очень тяжело. Ей хотѣлось бы пользоваться жизнью и любовью; но она знаетъ, что это преступленіе и потому говоритъ въ оправданіе свое: „что жь, ужь все равно, ужь душу свою я вѣдь погубила!“ Ни на кого она не жалуется, никого не винитъ, и даже на мысль ей не приходитъ ничего подобнаго; напротивъ, она передъ всѣми виновата, даже Бориса она спрашиваетъ, не сердится ли онъ на нее, не проклиняетъ ли... Нѣтъ въ ней ни злобы, ни презрѣнія, ничего, чѣмъ такъ красуются обыкновенно разочарованные герои, самовольно покидающіе свѣтъ. Но не можетъ она жить больше, не можетъ, да и только; отъ полноты сердца говоритъ она: „Ужь измучилась я... Долго ль мнѣ еще мучиться? Для чего мнѣ теперь жить,—ну, для чего? Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило, и свѣтъ Божій не милъ!—а смерть не приходитъ! Ты ее кличешь, а она не приходитъ. Что ни увижу, что ни услышу, только тутъ (показывая на сердце) больно.“ При мысли о могилѣ ей дѣлается легче,—спокойствіе какъ будто проливается ей въ душу. „Такъ тихо, такъ хорошо... А объ жизни и думать не хочется... Опять жить?.. Нѣтъ, нѣтъ, не надо... не хорошо. И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду... Придешь къ нимъ—они ходятъ, говорятъ,—а на что мнѣ это?..“ И мысль о горечи жизни, какую надо будетъ терпѣть, до того терзаетъ Катерину, что повергаетъ ее въ какое-то полугорячее состояніе. Въ послѣдній моментъ особенно живо мелькаютъ въ ея воображеніи всѣ домашніе ужасы. Она вскрикиваетъ: „А поймаютъ меня да воротятъ домой насильно!.. Скорѣй, скорѣй!..“ И дѣло кончено: она не будетъ болѣе жертвою бездушнѣйшей свекрови, не будетъ болѣе томиться взаперти, съ безхарактернымъ и противнымъ ей мужемъ. Она освобождена!..

Грустно, горько такое освобожденіе; но что же дѣлать, когда другого выхода нѣтъ. Хорошо, что нашлась въ

бѣдной женщинѣ рѣшимость хоть на этотъ страшный выходъ. Въ томъ и сила ея характера, оттого-то „Гроза“ и производитъ на насъ впечатлѣніе освѣжающее, какъ мы сказали выше. Безъ сомнѣнія, лучше бы было, еслибъ возможно было Катеринѣ избавиться другимъ образомъ отъ своихъ мучителей, или ежели бы эти мучители могли измѣниться и примирить ее съ собою и съ жизнью. Но ни то, ни другое—не въ порядкѣ вещей. Кабанова не можетъ оставить того, съ чѣмъ она воспитана и прожила цѣлый вѣкъ; безхарактерный сынъ ея не можетъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пріобрѣсти твердость и самостоятельность до такой степени, чтобы отречься отъ всѣхъ нелѣпостей, внушаемыхъ ему старухой; все окружающее не можетъ перевернуться вдругъ такъ, чтобы сдѣлать сладкою жизнь молодой женщины. Самое большее, что они могутъ сдѣлать—это простить ее, облегчить нѣсколько тягость ея домашняго заключенія, сказать ей нѣсколько милостивыхъ словъ, можетъ быть подарить право имѣть голосъ въ хозяйствѣ, когда спросятъ ея мнѣнія. Можетъ быть, этого и достаточно было бы для другой женщины, забитой, безсильной, и въ другое время, когда самодурство Кабановыхъ покоилось на общемъ безгласіи и не имѣло столько поводовъ выказывать свое наглое презрѣніе къ здравому смыслу и всякому праву. Но мы видимъ, что Катерина не убила въ себѣ человѣческую природу и что она находится только внѣшнимъ образомъ, по положенію своему, подъ гнетомъ самодурной жизни; внутренно же, сердцемъ и смысломъ—сознаетъ всю ея нелѣпость, которая теперь еще увеличивается тѣмъ, что Дикіе и Кабановы, встрѣчая себѣ противорѣчіе и не будучи въ силахъ побѣдить его, но желая поставить на своемъ, прямо объявляютъ себя противъ логики, то есть ставятъ себя дураками передъ большинствомъ людей. При такомъ положеніи дѣлъ, само собою разумѣется, что Катерина не можетъ удовлетвориться великодушнымъ прошеніемъ отъ самодуровъ и возвращеніемъ ей прежнихъ правъ въ семьѣ: она знаетъ, что значить милость Кабановой и каковы могутъ быть права невестки при такой свекрови... Нѣтъ, ей нужно было не то, чтобъ ей что нибудь уступили и облегчили, а то, чтобы свекровь, мужъ, всѣ окружающіе—сдѣлались способны удовлетворить тѣмъ живымъ стремленіямъ, которыми она проникнута, признать законность ея природныхъ требованій, отречься отъ всякихъ принудительныхъ правъ на нее и переродиться до того, чтобы сдѣлаться достойными ея любви и довѣрія. Нечего и говорить о томъ, въ какой мѣрѣ возможно для нихъ такое перерожденіе...

Менѣе невозможности представляло бы другое рѣшеніе—бѣжать съ Борисомъ отъ произвола и насилія домашнихъ.

Несмотря на строгость формального закона, несмотря на ожесточенность грубого самодурства, подобные шаги не представляют невозможности сами по себѣ, особенно для такихъ характеровъ, какъ Катерина. И она не пренебрегаетъ этимъ выходомъ, потому что она не отвлеченная героиня, которой хочется смерти по принципу. Убѣжавши изъ дому, чтобы свидѣться съ Борисомъ, и уже задумывая о смерти, она однако вовсе не прочь отъ побѣга: узнавши, что Борисъ ѣдетъ далеко, въ Сибирь, она очень просто говоритъ ему: „возьми меня съ собой отсюда“. Но тутъ-то и всплываетъ передъ нами на минуту камень, который держитъ людей въ глубинѣ омута, названнаго нами „темнымъ царствомъ“. Камень этотъ—матеріальная зависимость. Борисъ ничего не имѣетъ и вполнѣ зависитъ отъ дяди—Дикого; Дикой съ Кабановыми уладили, чтобъ его отправить въ Кяхту, и конечно не дадутъ ему взять съ собой Катерину. Оттого онъ и отвѣчаетъ ей: „нельзя Катя; не по своей волѣ я ѣду, дядя посылаетъ, ужь и лошади готовы“, и пр. Борисъ—не герой, онъ далеко не стоитъ Катерины, она и полюбила-то его больше на безлюдьи. Онъ хватилъ „образованія“, и никакъ не справится ни съ старымъ бытомъ, ни съ сердцемъ своимъ, ни съ здравымъ смысломъ,—ходитъ точно потерянный. Живетъ онъ у дяди потому, что тотъ ему и сестрѣ его долженъ часть бабушкина наследства отдать, „если они будутъ къ нему почтительны“. Борисъ хорошо понимаетъ, что Дикой никогда не признаетъ его почтительнымъ, и слѣдовательно ничего не дастъ ему; да этого мало, Борисъ такъ разсуждаетъ: „нѣтъ, онъ прежде наломается надъ нами, наругается всячески, какъ его душѣ угодно, а кончитъ все-таки тѣмъ, что не дастъ ничего, или такъ, какуюнибудь малость, да еще станетъ рассказывать, что изъ милости далъ, что и этого бы не слѣдовало“. А все-таки онъ живетъ у дяди и сноситъ его ругательства; зачѣмъ?—неизвѣстно. При первомъ свиданіи съ Катериной, когда она говоритъ о томъ, что ее ждетъ за это, Борисъ прерываетъ ее словами: „ну, что объ этомъ думать, благо намъ теперь хорошо“. А при послѣднемъ свиданіи плачется: „кто жь это зналъ, что намъ за нашу любовь такъ мучиться съ тобой! Лучше бы бѣжать мнѣ тогда!“ Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ весьма нерѣдкихъ людей, которые не умѣютъ дѣлать того, что понимаютъ, и не понимаютъ того, что дѣлаютъ. Типъ ихъ много разъ изображался въ нашей беллетристикѣ—то съ преувеличеннымъ состраданіемъ къ нимъ, то съ излишнимъ ожесточеніемъ противъ нихъ. Островскій даетъ ихъ намъ такъ, какъ они есть и съ особеннымъ, свойственнымъ ему умѣньемъ рисуетъ двумя-тремя чертами ихъ полную незначительность, хотя, впрочемъ, не лишенную извѣстной степени душевнаго благородства. О

Борисъ нечего распространяться; онъ, собственно, долженъ быть отнесенъ тоже къ *обстановкѣ*, въ которую попадаетъ героиня пьесы. Онъ представляетъ одно изъ обстоятельствъ, дѣлающихъ необходимымъ фатальный конецъ ея. Будь это другой человѣкъ и въ другомъ положеніи—тогда бы и въ воду бросаться не надо. Но въ томъ-то и дѣло, что среда, подчиненная силѣ Дикихъ и Кабановыхъ, производитъ обыкновенно Тихоновъ и Борисовъ, неспособныхъ воспрянуть и принять свою человѣческую природу, даже при столкновеніи съ такими характерами, какъ Катерина. Мы сказали выше нѣсколько словъ о Тихонѣ; Борисъ—такой же въ сущности, только „образованный“. Образование отняло у него силу дѣлать пакости,—правда; но оно не дало ему силы противиться пакостямъ, которыя дѣлаютъ другіе; оно не развило даже въ немъ способности такъ вести себя, чтобы оставаться чуждымъ всему гадкому, что кишитъ вокругъ него. Нѣтъ, мало того, что не противодействуетъ, — онъ подчиняется чужимъ гадостямъ, онъ волей-неволей участвуетъ въ нихъ, и долженъ принимать всѣ ихъ послѣдствія. Но онъ понимаетъ свое положеніе, толкуетъ о немъ и не рѣдко даже обманываетъ, на первый разъ, истинно-живыя и крѣпкія натуры, которыя, судя по себѣ, думаютъ, что если человѣкъ такъ думаетъ, такъ понимаетъ, то такъ долженъ и дѣлать. Смотри съ своей точки, этакія натуры не затруднятся сказать „образованнымъ“ страдальцамъ, удаляющимся отъ горестныхъ обстоятельствъ жизни: „возьми и меня съ собой, я пойду за тобою всюду“. Но тутъ-то и окажется безсиліе страдальцевъ; окажется, что они и не предвидѣли, и что они проклинаютъ себя, и что они рады бы, да нельзя, и что воли у нихъ нѣтъ, а главное—что у нихъ нѣтъ ничего за душою, и что для продолженія своего существованія они должны служить тому же самому Дикому, отъ котораго вмѣстѣ съ нами хотѣли бы избавиться...

Ни хвалить, ни бранить этихъ людей нечего; но нужно обратить вниманіе на ту практическую почву, на которую переходитъ вопросъ; надо признать, что человѣку, ожидающему наслѣдства отъ дяди, трудно сбросить съ себя зависимость отъ этого дяди, и затѣмъ—надо отказаться отъ излишнихъ надеждъ на племянниковъ, ожидающихъ наслѣдства, хотя бы они и были „образованы“ по самое нельзя. Если тутъ разбирать виноватаго, то виноваты окажутся не столько племянники, сколько дяди, или, лучше сказать ихъ наслѣдство.

Впрочемъ, о значеніи матеріальной зависимости, какъ главной основы всей силы самодуровъ въ „темномъ царствѣ“, мы пространно говорили въ нашихъ прежнихъ статьяхъ. Поэтому здѣсь только напоминаемъ объ этомъ, чтобы

указать рѣшительную необходимость того фатальнаго конца, какой имѣетъ Катерина въ „Грозѣ“, и слѣдовательно рѣшительную необходимость характера, который бы, при данномъ положеніи, готовъ былъ къ такому концу.

Мы уже сказали, что конецъ этотъ кажется намъ отраднѣе; легко понять, почему: въ немъ данъ страшный вызовъ самодурной силѣ, онъ говоритъ ей, что уже нельзя идти дальше, нельзя долѣе жить съ ея насильственными, мертвящими началами. Въ Катеринѣ видимъ мы протестъ противъ кабановскихъ понятій и нравственности, протестъ, доведенный до конца, провозглашенный и подъ домашней пыткой, и надъ бездною, въ которую бросилась бѣдная женщина. Она не хочетъ мириться, не хочетъ пользоваться жалкимъ прозябаньемъ, которое ей даютъ въ обменъ за ея живую душу. Ея погибель—это осуществленная пѣснь плѣна вавилонскаго: играйте и пойте намъ пѣсни сіонскія, говорили Іудеямъ ихъ побѣдители; но печальный пророкъ отозвался, что не въ рабствѣ можно пѣть священныя пѣсни родины, что лучше пусть языкъ ихъ прилипнетъ къ гортани и руки отсохнутъ, нежели примутся они за гусли и запоютъ сіонскія пѣсни на потѣху владыкъ своихъ. Несмотря на все свое отчаяніе, эта пѣснь производитъ высоко-отрадное, мужественное впечатлѣніе: чувствуешь, что не погибъ бы народъ еврейскій, еслибъ весь и всегда одушевленъ былъ такими чувствами...

Но и безъ всякихъ возвышенныхъ соображеній, просто по человѣчеству, намъ отратно видѣть избавленіе Катерины—хоть черезъ смерть, коли нельзя иначе. На этотъ счетъ мы имѣемъ въ самой драмѣ страшное свидѣтельство, говорящее намъ, что жить въ „темномъ царствѣ“ хуже смерти. Тихонъ, бросаясь на трупъ жены, вытащенный изъ воды, кричитъ въ самозабвеніи: „Хорошо тебѣ, Катя! А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ да мучиться!“ Этимъ восклицаніемъ заканчивается пьеса, и, намъ кажется, что ничего нельзя было придумать сильнѣе и правдивѣе такого окончанія. Слова Тихона даютъ ключъ къ уразумѣнію пьесы для тѣхъ, кто бы даже и не понялъ ея сущности ранѣе; они заставляютъ зрителя подумать уже не о любовной интригѣ, а обо всей этой жизни, гдѣ живые завидуютъ умершимъ, да еще какимъ—самоубійцамъ! Собственно говоря, восклицаніе Тихона глупо: Волга близко, кто же мѣшаетъ и ему броситься, если жить тошно? Но въ томъ-то и горе его, то-то ему и тяжело, что онъ ничего, рѣшительно ничего сдѣлать не можетъ, даже и того, въ чемъ признаетъ свое благо и спасеніе. Это нравственное растлѣніе, это уничтоженіе человѣка дѣйствуютъ на насъ тяжело всякаго, самаго трагическаго происшествія: тамъ видишь гибель одновременную, конецъ страданій, часто из-

бавленіе отъ необходимости служить жалкимъ орудіемъ какихъ нибудь гнусностей; а здѣсь—постоянную, гнетущую боль, ослабленіе, полутрупъ, въ теченіе многихъ лѣтъ согнивающій заживо... И думать, что этотъ живой трупъ—не одинъ, не исключеніе, а цѣлая масса людей, подверженныхъ тлетворному вліянію Дикихъ и Кабановыхъ! И не чаять для нихъ избавленія—это, согласитесь, ужасно! Зато какую же отрадною, свѣжею жизнью вѣетъ на насъ здоровая личность, находящая въ себѣ рѣшимость покончить съ этой гнилою жизнью, во что бы то ни стало...

На этомъ мы и кончаемъ. Мы не говорили о многомъ—о сценѣ ночного свиданія, о личности Кулигина, не лишенной тоже значенія въ пьесѣ, о Варварѣ и Кудряшѣ, о разговорѣ Дикого съ Кабановой, и пр., и пр. Это оттого, что наша цѣль была указать общій смыслъ пьесы, и увлекаясь общимъ, мы не могли достаточно входить въ разборъ всѣхъ подробностей. Литературные судьи останутся опять недовольны: мѣра художественнаго достоинства пьесы недостаточно опредѣлена и выяснена, лучшія мѣста не указаны, характеры второстепенные и главные не отдѣлены строго, а всего пуще—искусство опять сдѣлано орудіемъ какой-то посторонней идеи!.. Все это мы знаемъ и имѣемъ только одинъ отвѣтъ: пусть читатели разсудятъ сами (предполагаемъ, что всѣ читали или видѣли „Грозу“), — *точно ли идея, указанная нами,—совсѣмъ посторонняя „Грозѣ“, навязанная нами насильно, или же она дѣйствительно вытекаетъ изъ самой пьесы, составляетъ ея сущность и опредѣляетъ прямой ея смыслъ?..* Если мы ошиблись, пусть намъ это докажутъ, дадутъ другой смыслъ пьесѣ, болѣе къ ней подходящій... Если же наши мысли сообразны съ пьесою, то мы просимъ отвѣтить еще на одинъ вопросъ: *точно ли русская живая натура выразилась въ Катеринѣ, точно ли русская обстановка—во всемъ, ее окружающемъ, точно ли потребность возникающаго движенія русской жизни сказалась въ смыслѣ пьесы, какъ она понята нами?* Если „нѣтъ“, если читатели не признаютъ здѣсь ничего знакомаго, родного ихъ сердцу, близкаго къ ихъ насущнымъ потребностямъ, тогда конечно, нашъ трудъ потерянъ. Но ежели „да“, ежели наши читатели, сообразивъ наши замѣтки, найдутъ, что точно русская жизнь и русская сила вызваны художникомъ въ „Грозѣ“ на рѣшительное дѣло, и если они почувствуютъ законность и важность этого дѣла, тогда мы довольны, что бы ни говорили наши ученые и литературные судьи.

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезей.

Н. Добролюбовъ.